

62.
63.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ

РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ,

ПО СЛУЧАЮ

ОКОНЧАНІЯ

1862—1863 АКАДЕМИЧЕСКАГО ГОДА.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. ФРАНЦОВА.

1863.

41
84

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ

РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ,

ПО СЛУЧАЮ

ОКОНЧАНІЯ 1862 — 1863 АКАДЕМИЧЕСКАГО ГОДА.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. ФРАНЦОВА.

1863.

41
84

Печатано по опредѣленію Совѣта Лицей Одесса, Августа 5-го дня 1863 года.
Секретарь Совѣта Д. Логиновъ.

СПОРЪ МЕЖДУ ЛИТВОЮ И ПОЛЬШЕЮ

О ПРАВАХЪ НА ВОЛЫНЬ И ПОДОЛЮ.

РЪЧЬ

ПРОФЕССОРА М. ОМИРНОВА.

К.

Литовцы заключили съ Польшею федеративный союзъ, главнымъ условіемъ котораго была неприкосновенность территорія обѣихъ союзныхъ сторонъ. Приведенное выше мнѣніе польскихъ лѣтописцевъ о завоеваніяхъ Казимира, прямо нарушало права Литвы на Волынь и Подолію, земли, добытыя ея оружіемъ и отчасти брачными союзами; — отсюда споръ между Литвою и Польшею изъ за Волыни и Подоліи. Поляки, опираясь на дѣятельность Казимира Великаго, кромѣ того ссылались на акты о слитіи, выданные отъ имени Ягелла и Витовта (1) и нѣсколько позднѣе, отъ имени Сигизмунда Кейстутовича. Литовцы старались уменьшить значеніе этихъ актовъ, требовали

1) Общанія, данныя Ягелломъ при заключеніи брачнаго союза съ Ядвигой, относящіяся къ слитію русско-литовскихъ областей съ Польшею, такъ сообщаются Длугошемъ: Terrasque Lithuaniae, Samogitiæ et Russiae, in quibus naturali jure et acquisito habebat dominium merum et mixtum, ditioni suae parentes, regno Poloniae perpetuo incorporavit, univit, invisceravit, adjunxit, appropriavit et cact. (sub anno 1386). Это извѣстіе Длугоша подтверждается словами Ягелла въ актѣ городельскомъ 1413. Quamvis eo tempore, quo almo spiritu inspirante, fidei catholicae recepta et recognita claritate, coronam regni Poloniae assumpsimus, pro christianae religionis incremento et bono statu et comodo terrarum nostrarum Lithuaniae, ipsas et cum terris, dominiis ipsis subjectis et connexis, praefato regno nostro Poloniae appropriavimus, incorporavimus, conjunximus, univimus, adjunximus, confoederavimus de consensu unanimi nostro et aliorum fratrum nostrorum et omnium Baronum, Nobilium, Procerum et Vojarorum ejusdem terrae Lithuaniae voluntate accedente et assensu. (Voll. log. I, 30. Изд. Огрызка). Вся позднѣйшая исторія Литвы даетъ намъ полное право сомнѣваться въ справедливости утверженія Ягелла, что слитіе Литвы и подчиненныхъ ей областей съ Польшею произошло также съ согласія вельможъ литовскихъ; мы знаемъ, что даже братья короля не все согласились на это соединеніе, Андрей Вингольд полоцкій пришелъ даже къ убѣжденію и объявилъ, что Ягелло, принявъ римскую вѣру, потерялъ право власти надъ народомъ православнымъ (Dz. st. nar. Lit. Нарбутта, стр. 389); еще болѣе противниковъ соединенія должно было быть между литовскими вельможами, большинство которыхъ исповѣдало православную вѣру. Выраженія univimus, incorporavimus и пр., имѣющія цѣлю показать тончайшіе отбѣски полянѣйшаго слитія, оскорбляли въ послѣдствіи народную гордость литовцевъ, которые, какъ увидимъ, требовали ихъ уничтоженія въ городельскомъ актѣ.

даже измѣненія ихъ редакціи, но въ свою очередь сами добивались подобной же опоры для своихъ притязаній и требовали отъ своихъ князей, при ихъ вступленіи на тронъ, письменныхъ обязательствъ сохранять въ цѣлости территорію Великаго Княжества Литовскаго. Тутъ происходило весьма странное явленіе: тѣ же самые государи, которые, будучи литовскими князьями, клялись въ ненарушимости литовской территоріи, дѣлаясь, чрезъ нѣкоторое время, королями польскими, торжественно обѣщали слить обѣ части федераціи въ одно цѣлое и слѣдственно прямо нарушали клятву, данную литовцамъ.

Генеральныя сеймы, на которыхъ сходились представители обонхъ народовъ, были мѣстомъ этихъ споровъ; каждая сторона стремилась достигнуть своей цѣли и притомъ путемъ убѣжденія; но такъ какъ ни одна сторона не признавала справедливыми доводовъ другой, то весьма естественно, что путь мирнаго убѣжденія не могъ привести ни къ чему; былъ только одинъ способъ рѣшенія — съ оружіемъ въ рукахъ; но къ нему боялись прибѣгнуть, потому что каждая сторона имѣла внѣшнихъ враговъ, нарушавшихъ ея спокойствіе и даже грозившихъ ея самостоятельности. Эта одинаковость внѣшнихъ отношеній Литвы и Польши была главною причиною, которая поддерживала прежній федеративный союзъ и отдаляла полное слитіе двухъ частей въ одно цѣлое. Причина эта перестала существовать около половины XVI столѣтія; въ это время Польша успѣла довольно хорошо устроить свои отношенія къ сосѣдямъ, успѣла обезопасить себя извнѣ; Литва же напротивъ подверглась значительной опасности со стороны Москвы, Крыма, Турціи и Шведіи, да къ тому же потеряла и внутреннее спокойствіе, вслѣдствіе развитія

въ ней множества различныхъ протестантскихъ сектъ. Эти обстоятельства дали Польшѣ перевѣсъ въ ея спорѣ съ Литвою, и на люблинскомъ сеймѣ 1569 г. поляки рѣшительно потребовали полного слитія Литвы и подчиненныхъ ей областей съ Польшею. И такъ опасность грозила литовцамъ съ двухъ сторонъ: съ Востока имъ угрожало завоеваніе оружіемъ, съ Запада завоеваніе дипломатическое; между литовцами явилось несогласіе, образовалась партія, которая пожелала слитія съ Польшею, считая его меньшимъ изъ двухъ золъ; она-то боролась на люблинскомъ сеймѣ съ королемъ, сенаторами и послами, домогаясь какой нибудь уступки въ пользу литовцевъ и, не добившись ничего, съ сокрушеннымъ сердцемъ подписала люблинскій актъ. Этотъ актъ, не смотря на множество протестовъ, былъ введенъ въ дѣйствіе принудительною властью короля, и такимъ образомъ дѣло партіи стало дѣломъ общимъ.

Послѣ этого общаго очерка, я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности, которыя наглядно представляютъ характеръ спора о правахъ на Волинь и Подолію.

Основываясь главнымъ образомъ на лѣтописцахъ польскихъ, не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о достоинствахъ этихъ писателей и о степени довѣрія, которую можно питать къ нимъ. Большая часть лѣтописцевъ польскихъ и въ особенности уважаемый Длугошъ, — писатели, вообще достойные всякаго почтенія, въ разсказахъ своихъ о Руси, являются забывшими главную обязанность историка — безпристрастіе; представляя польско-русскія отношенія въ совершенно пзвращенномъ видѣ, они тѣмъ самымъ содѣйствовали къ распространенію въ цѣломъ польскомъ народѣ невѣрныхъ понятій объ этомъ предметѣ. Какую бы эпоху не взяли мы, вездѣ видимъ

пятажки и извращеніе истины, но особенно лживы польскія лѣтописи въ разсказахъ своихъ о древнѣйшихъ полькорусскихъ отношеніяхъ. Разсказы эти въ такой степени запутаны, часто бессмысленны, что не стоятъ критическаго разбора, и я только заимствую изъ Длугоша древнѣйшія извѣстія его о Руси, будучи убѣжденъ, что одно изложеніе ихъ будетъ достаточнымъ доказательствомъ пристрастія этого историка.

Извѣстія эти начинаются сообщеніемъ успѣха русскихъ: Владиміръ св. завоевалъ Червенскіе города, которые и по Нестору были въ землѣ Ляховъ, но нѣсколько позднѣе, убоявшись могущества Болеслава Храбраго, заключилъ съ нимъ союзъ. Походъ Болеслава Храбраго на Русь съ цѣлью возстановленія Святополка на кievскомъ столѣ, описанъ съ особеннымъ блескомъ. Не обращая вниманія на частности, на упоминаніе напр. о колоннахъ, которыя Болеславъ, подражая Геркулесу, поставилъ гранью польскихъ владѣній на Востокъ и что конечно есть ничто иное, какъ цвѣты реторики, мы прямо переходимъ къ результату этого похода: по Длугошу Болеславъ завоевалъ большую часть (*magnam portionem*) русской земли, простирающуюся до самаго Кіева и, какъ самъ онъ, такъ и преемники его, управляли ею чрезъ назначаемыхъ ими чиновниковъ (*per Praefectos et Capitaneos*). (см. Длугоша подъ 1009 г.) Въ 1018 г., продолжаетъ Длугошъ, Ярославъ покусился было освободиться изъ подъ власти Болеслава, но потерпѣлъ сильное пораженіе на берегахъ Буга и Русь снова была опустошена огнемъ и мечемъ въ наказаніе за попытку освободиться и съ цѣлью устрашенія на будущее время. Послѣ чего Болеславъ опять даровалъ миръ русскому князю, обязавъ его платить небольшую дань (*modesto imposito tributo*); съ этого времени русский

26 описаніе
и. т. д.
См. 35

князь и многочисленные и богатые его народы, побѣжденные болѣе кротостью и добродѣтелями Болеслава, чѣмъ оружіемъ, всегда оставались ему вѣрными и совѣстливо исполняли свои обязанности, не смѣя и подумать, при жизни Болеслава, о возобновленіи войны и сверженіи наложеннаго на нихъ ига. (1019 годъ). По смерти Болеслава, Ярославъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, напалъ на Польшу и захвативъ Червенскъ и другіе города, опустошилъ нѣкоторыя польскія страны, откуда вывелъ много плѣнныхъ, впоследствии поселенныхъ близъ Кіева. Сверхъ того Мечиславъ II (сынъ и преемникъ Болеслава) узналъ, что русскіе вообще хотятъ свергнуть ига, наложенное его отцомъ, съ каковою цѣлью устроили уже заговоръ противъ поляковъ; желая пресѣчь это опасное движеніе въ самомъ началѣ, Мечиславъ двинулся на Русь, захватилъ знатнѣйшихъ (*principales*) русскихъ и отправилъ ихъ въ Краковъ, гдѣ нѣкоторое время держалъ въ качествѣ заложниковъ, потомъ усмирилъ мятежъ и, снабдивъ крѣпости гарнизонами и съѣстными припасами, возвратился въ Польшу. Начавшіеся, по смерти Мечислава, безпорядки дали Ярославу возможность напасть на Мазовію и опустошить ее (1039 г.) Между тѣмъ, сынъ Мечислава, Казиміръ, изгнанный еще въ малолѣтствѣ изъ отечества, воротился въ Польшу въ 1041 г.; онъ вступилъ въ добрыя отношенія съ Ярославомъ, женился на его сестрѣ Маріи и пользовался его помощію для успокоенія своего смятеннаго государства, такъ Мазовія была усмирена съ помощію Ярослава. Эта помощь не осталась безъ награды: Казиміръ возвратилъ Ярославу все завоеванное на Руси дѣдомъ его Болеславомъ ⁽²⁾. Въ 1070 г. Болеславъ Смѣ-

²⁾ Multa castra et regiones Russiae, quae avus suus Boleslaus, Polono-

лый (сынъ Казиміра) пожелалъ возвратитъ завоеванія Болеслава Храбраго, уступленные отцомъ его Ярославу и двинулся на Русь, подъ предлогомъ помощи Изяславу кіевскому, на дочери котораго, Вышеславъ онъ былъ женатъ. Въ рѣчи, произнесенной къ войску, онъ высказалъ свои права на Русь: право войны и право, перешедшее къ нему отъ матери, (сестры Ярослава). Единственнымъ результатомъ этого похода было завоеваніе на возвратномъ пути изъ Кіева, Перемышля, который сдался послѣ продолжительной осады, при чемъ много помогли полякамъ голодъ и чума, свирѣпствовавшіе между осажденными. Когда въ 1072 Изяславъ долженъ былъ вторично бѣжать изъ Кіева, Болеславъ снова отправился въ походъ, какъ для его возстановленія, такъ и съ завоевательною цѣлью. Опустошивъ землю хелмскую, которая прежде называлась владимірскою, а теперь зовется луцкою, Болеславъ взялъ одиень изъ важнѣйшихъ городовъ ея, Волинь, сдавшійся частію изъ страха, частію въ надеждѣ на его извѣстную щедрость. Князь Всеволодъ (кіевскій) пошелъ было противъ поляковъ, но, увидавъ очевидную для себя опасность, возвратился. Князь Григорій, ⁽³⁾ владѣвшій луцкою землею, не видя себѣ спасенія, явился въ лагерь Болеслава и, въ знакъ своей вѣрности, далъ заложниковъ (1074 г.); тогда Болеславъ двинулся къ Кіеву, рѣшившись окончить войну не ранѣе пріобрѣтенія этого города; подъ самымъ Кіевомъ поразилъ онъ на голову Всеволода, и прогнавъ

rum rex, in Russia, victo et conflictato Jaroslao, consecutus fuerat et in eam diem tenuerat, post contractam affinitatem in signum veri foederis et sinceræ affinitatis, Jaroslao restituit (sub. anno 1041).

³⁾ Очевидно, что Длугошъ разуметь здѣсь волинскаго князя Игоря, но Игорь съ 1056 г. владѣлъ въ Смоленскѣ, а въ 1059 г. умеръ.

его, возвратился въ Польшу съ награбленными сокровищами и съ побѣдоноснымъ войскомъ. (?) Проведя всю зиму и часть весны дома, король съ большимъ еще войскомъ пошелъ на Русь и, дойдя до Кіева, обложилъ его такъ, что пресѣкъ всё подвозы; голодь и болѣзни, открывшіеся въ городѣ принудили кіевлянъ сдаться. Умѣренность Болеслава привязала къ нему сердца побѣжденных такъ, что тѣ дѣлали даже подарки ему и его войску; управленіе Кіевомъ съ его областью было отдано королевскому родственнику Изяславу. Устроивъ такимъ образомъ русскія дѣла, Болеславъ наложилъ большую дань на всю Русь и со всѣхъ концовъ земли потекли сокровища въ его казну. Эти богатства дали возможность полякамъ вести очень веселую жизнь въ Кіевѣ; жены ихъ, оставшіяся въ Польшѣ, узнавъ о безвравственности своихъ мужей, вступили въ связь съ рабами. Лишь только вѣсть о томъ достигла Кіева, польскіе воины запылали мщеніемъ, быстро выступили изъ Кіева и король увидалъ себя среди непріятельской земли, безъ войска и безъ всякихъ средствъ защищать себя отъ ненависти враговъ. Позднѣе встречаемъ только одно извѣстіе объ этомъ королѣ: въ 1078 г. онъ далъ войско Ярополку Изяславичу владимірскому, боровшемуся въ то время съ Мономахомъ. Сынъ Болеслава Смѣлаго, желая сдѣлать русскіхъ, покоренныхъ его отцомъ, болѣе искренними и болѣе преданными, женился на Евдокии, дочери кіевского князя Святополка. Цѣль эта не была достигнута: русскіе попрали права польскаго князя (*jus consortis, jus maternum et paternum*), выгнали изъ крѣпости польскіе гарнизоны и въ теченіе года сдѣлались совершенно свободными; они въ особенности ненавидѣли польское владычество по причинѣ религіозной

(1090 г. см. у Длугоша стр. 316, лейпцигское изд. 1711 г.). Послѣ этого русскіе неоднократно нападали на Польшу (см. подъ 1101, 1116 и др. год.) и проникали до самой Вислы. Эти частыя нападенія, въ которыхъ особенно отличился Володаръ Ростиславичъ, заставили Болеслава III обратиться съ жалобою къ Владиміру Мономаху и другимъ русскимъ князьямъ. Но это не помогло. Въ 1123 г. Болеславъ III (сынъ Владислава) предпринялъ походъ на Русь съ цѣлью возстановленія родственника своего Ярослава владимірскаго, стѣспеннаго Мономахомъ. Около Перемышля онъ соединился съ Коломаномъ, братомъ венгерскаго короля, который также шелъ помогать Ярославу; кромѣ того на его сторону стали Василько и Володаръ перемышльскіе и Владиміръ Володаревичъ. Союзники скоро покорили Белзь, Червень, Владиміръ и другіе города, отнятые Мономахомъ у Ярослава, затѣмъ пошли къ Кіеву, разбили на дорогѣ высланное противъ нихъ войско и гнали до воротъ (Кіева), которыя называются польскими. Въ новой битвѣ, тутъ происшедшей, Ярославъ былъ убитъ, послѣ чего союзники согласились на мольбу о мирѣ со стороны Андрея, котораго Мономахъ, конечно убѣжавшій при приближеніи непріятеля, поставилъ начальникомъ кіевской крѣпости. Заключивъ союзъ (*foedus?*) съ обѣщаніемъ взаимной помощи разошлись во свояси. Подъ 1124 нападеніе Володаря, опустошившаго Польшу на большое пространство, а подъ 1134 г.: «между тѣмъ русскіе князья, побуждаемые Ярополкомъ Владиміровичемъ кіевскимъ, часто и тайно совѣтовались между собою, какъ бы сложить съ себя иго, наложенное на нихъ Болеславомъ и поляками. Ярополкъ произнесъ блестящую рѣчь на тему дань и рабство и умолялъ князей и войско принести всё жертвы для того

чтобы достигнуть свободы. Болеславъ, занятый въ то время чешскою и венгерскою войною, былъ очень недоволенъ, услышавъ объ этомъ заговорѣ, онъ находилъ, что ему предстоитъ большая опасность и, чтобы избавиться отъ нея, онъ приказалъ одному изъ своихъ бароновъ украсть Ярополка; украсть кievскаго князя въ его стольномъ городѣ, среди его дружины, среди преданнаго ему народонаселенія и пр., и пр., и пр.; далѣе начинается такая путаница, которую выписывать будетъ совершенно бесполезно.

Приведенныхъ выписокъ достаточно, чтобы судить о характерѣ повѣствованія Длугоша; лучшимъ опроверженіемъ его, конечно, должны служить русскія лѣтописи, которыя не могли же не сообщить о потерѣ самостоятельности земли русской, о данн, которую она платила полякамъ, о князьяхъ русскихъ, управлявшихъ ею въ качествѣ наместниковъ короля польскаго, и т. д. Откровенная и простодушная рѣчь нашихъ древнихъ лѣтописцевъ отстраняетъ отъ нихъ всякій упрекъ въ такомъ упорномъ и постоянномъ извращеніи истины, въ сокрытіи одного изъ важнѣйшихъ событій нашей древней исторіи. Источники неписменные, всегда долѣе сохраняющіеся въ народной памяти, о которыхъ упоминаетъ Длугошъ, именно колонны, поставленныя Болеславомъ Храбрымъ, какъ грань владѣній его на Востокъ, должны бы были изобличить неправду лѣтописцевъ, но народъ, какъ будто, согласился съ ними и нигдѣ, ни въ одномъ произведеніи устной литературы, на сколько онѣ намъ извѣстны, ни въ одномъ преданіи, случайно занесенномъ въ лѣтопись, не упомянулъ объ этихъ видимыхъ послѣдствіяхъ Болеславова похода. Такимъ образомъ было бы излишнимъ трудиться доказы-

вать историческую несостоятельность Длугоша, тѣмъ болѣе, что собственное изложеніе его, взятое само по себѣ, не выдерживаетъ критики: не разъ встрѣчается въ немъ такъ или иначе совершившееся освобожденіе земли русской и вслѣдъ за тѣмъ, безъ всякаго дѣйствія со стороны князей польскихъ, Русь снова является имъ подчиненною, платящею дань, или — русскіе князья нападаютъ на Польшу, опустошаютъ ее, правительство польское обращается къ старѣйшему князю русскому, сидящему въ Кіевѣ, какъ бы признавая себя безсильнымъ оградить страну отъ подобныхъ вторженій, а чрезъ нѣсколько страницъ помѣщается извѣстіе объ единодушномъ рѣшеніи князей русскихъ возстать противъ Польши и свергнуть съ себя позорное иго. Еще болѣе удивляется читающій Длугоша, находя въ немъ тѣже матеріалы для характеристики польско-русскихъ отношеній, что и въ русскихъ лѣтописяхъ, но только матеріалы эти окрашены въ иной, невѣрный цвѣтъ. Изъ русскихъ лѣтописей мы знаемъ, что первоначально отношенія князей польскихъ и русскихъ были весьма сходны съ отношеніями русскихъ князей между собою: они вмѣшивались въ распри князей нашихъ, помогали однимъ, воевали съ другими, въ свою очередь также пользовались нашею помощью, во взаимныхъ сношеніяхъ употребляли родственныя названія: братъ, отецъ и дѣйствительно были въ родствѣ, потому что польскіе князья женились на русскихъ княжнахъ, а русскіе на польскихъ. Подобный взглядъ на эти отношенія легко доказывается и тѣми фактами, которые находятся у Длугоша, т. е. извѣстіями о взаимной помощи и о брачныхъ союзахъ; у Длугоша было еще настолько добросовѣстности, онъ былъ на столько историкъ, что не рѣшился вычеркнуть эти

факты, несмотря на то, что они даютъ возможность отвергать другіе, имъ же сообщаемые, но въ то же время онъ былъ патриотъ и, такъ какъ сочиненіе его написано въ эпоху особенно сильныхъ притязаній короны на русскія области, то оно конечно должно было послужить нѣкото-рою опорю для этихъ притязаній, должно было распро-странить въ обществѣ убѣжденіе въ справедливости ихъ и возвести ихъ начало къ древнѣйшему времени; впро-чемъ этотъ патриотизмъ является гораздо ранѣе: и Мар-тинъ Галль и Кадлубекъ говорили уже о «*Russia vestigalis*».

И такъ мы видимъ, что не было никакого историче-скаго основанія для того взгляда, который сложился въ Польшѣ, на отношенія ея къ Руси уже въ XIII столѣтіи; одна народная гордость можетъ объяснить намъ это за-блужденіе, поддержанное и развитое патриотическими уси-ліями лѣтописцевъ. Правда, былъ оттѣнокъ завоевательный въ древнѣйшихъ отношеніяхъ польскорусскихъ, но это можетъ быть сказано только о червенскихъ городахъ. Первоначально собственность поляковъ, они были завое-ваны Владиміромъ св., отняты Болеславомъ Храбрымъ (1), снова возвращены Ярославомъ I, вторично отняты Боле-славомъ Смѣлымъ и вслѣдъ за тѣмъ опять являются соб-ственностью русскихъ, вѣроятно вслѣдствіе дѣятельности Володаря Ростиславича. На нихъ и послѣ устремляется вниманіе Польши, что нисколько не удивительно, если при-мемъ въ соображеніе близкое сосѣдство, неурядица и безпорядки въ малолѣтство Данила Романовича и наконецъ прекращеніе династіи Романа Великаго, что дѣйствительно

1) Излишнимъ считаю доказывать, что завоеваніе червенскихъ городовъ было единственнымъ слѣдствіемъ побѣдоноснаго похода Болеслава Храбраго на Русь.

подаетъ возможность королю Казиміру завладѣть червонною Русью. Вотъ вполнѣ историческій фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію; Длугошъ, рассказывая о немъ, опять грѣшитъ противъ истины, утверждая, въ одномъ мѣстѣ, что Казиміръ завоевалъ цѣлую Русь, въ другомъ, что за-воеванія его простирались на Галицію, Волынь и Подолю.

Въ опроверженіе Длугоша, представимъ краткую ис-торію этихъ странъ современіи прекращенія въ нихъ рус-скаго господства и, показавъ истинныя границы завоеваній Казиміра Великаго, продолжимъ наше изслѣдованіе до люблинской уніи; такимъ образомъ мы будемъ имѣть воз-можность изложить весь споръ, происходившій между Лит-вою и Польшею о правахъ на Волынь и Подолю.

Потомство короля русскаго Данила самостоятельно управляло галицко-волынскою державою до 1335 г., (2) по крайней мѣрѣ въ этомъ году въ послѣдній разъ упоми-нается Юрій Андреевичъ, *dux totius Russiae minoris* и съ этого времени единая галицко-волынская земля окончательно раздѣлилась на двѣ отдѣльныя части: Галицію и Владимірію или Волынь. Населеніе галицкаго княжества единогласно избрало своимъ княземъ Болеслава мазовецкаго, сына Тройдена и Маріи, сестры Юрія Андреевича, приходив-шагося такимъ образомъ племянникомъ послѣднему рус-скому князю (3). Давъ обѣщаніе ничего не измѣнять безъ народной воли, Болеславъ скоро нарушилъ самое дорогое для народа право свободно исповѣдывать отеческую вѣру; самъ католикъ онъ захотѣлъ распространить католицизмъ

2) Кар. IV. прим. 276.

3) О Болеславѣ см. у Длугоша подъ 1340 и 41 гг. и у Анонима Гнезнен-скаго (въ собраніи Сомерсберга „*Silesiacum scriptores*“, во 2-мъ томѣ) подъ 1333 и 1349 г.

въ Галиціи и началъ притѣснять православныхъ. Неудовольствіе народа, возбужденное этимъ насиліемъ отечественной вѣрѣ, расло еще болѣе, вслѣдствіе угнетеній и развратной жизни его придворныхъ, которые состояли изъ поляковъ, чеховъ и нѣмцевъ; въ 1340 г. неудовольствіе это было причиной смерти Болеслава: онъ былъ отравленъ. Въ Мартѣ 1340 г. погибъ Болеславъ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Львовъ былъ уже занятъ Казиміромъ, который, какъ родственникъ (они оба были женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ Гедимина), явился мстителемъ за отравленіе; въ этомъ случаѣ Казиміръ дѣйствовалъ съ величайшею поспѣшностью: лишь только услышалъ онъ о смерти Болеслава, какъ тотчасъ же собралъ небольшое, сколько при немъ тогда было, войско и неожиданно явился у Львова. Граждане, неприготовленные къ отпору, безъ главы и руководителя, не могли долго сопротивляться и скоро покорились, обезпечивъ договоромъ неприкосновенность своей религіи, которая еще такъ недавно подверглась опасности со стороны Болеслава. Забравъ множество драгоценностей, принадлежавшихъ русскимъ князьямъ (золотые кресты съ частями древа Господня, драгоценныя короны, царскій престолъ, мантии и пр.), король, оставивъ въ Львовѣ стражу изъ нѣмцевъ, отправился въ обратный путь. Въ томъ же году, уже съ большимъ войскомъ, Король вторично пошелъ на Галицію и всю ее подчинилъ своей власти (').

') Длугошъ подъ 1340 г. По свидѣтельству Анонима въ 1340 г. былъ только одинъ походъ, вслѣдствіе котораго русскіе вельможи, не будучи въ состояніи противиться могуществу короля, добровольно признали его своимъ господиномъ и дали ему клятву вѣрности. Анонимъ не полагаетъ точныхъ границъ завоеваній Казиміра Вел., онъ вообще говоритъ, что Казиміръ завладѣлъ русскимъ

Владычество поляковъ было тягостно для русскихъ; недавнія гоненія вѣры, быть можетъ притѣсненія оставленной Казиміромъ стражи, а еще болѣе воспоминаніе о прежней самостоятельной жизни государства заставляли русскихъ бояръ думать о сверженіи ига. Польскіе лѣтописцы называютъ намъ двухъ изъ нихъ: Датко, воеводу перемышльскаго и Данила изъ Острога, которые были главными дѣйствующими лицами при изгнаніи поляковъ; планъ ихъ опирался на татарскія силы; напоминая хану, что земли русскія составляютъ его собственность, хотя это было несовсѣмъ справедливо, но очень лестно для самолюбія татаръ, помянутые вельможи говорили, что Казиміръ запретилъ русскимъ платить, какъ водилось, ежегодную дань хану и что они прибѣгаютъ къ его помощи для сверженія ненавистной власти короля. Понятно, что

царствомъ, но изъ его же разказа видно, что русскимъ царствомъ онъ называетъ владѣнія Болеслава т. е. Галицію. По Длугошу король сдѣлалъ въ 1340 г. два похода, но въ описаніи ихъ встрѣчается столько противурчій и очевидныхъ погрѣшностей, что вѣрить ему вполне нѣтъ никакой возможности. 1-й походъ былъ предпринятъ около 15-го Апрѣля, 2-й 24-го Юня, между этими числами 69 дней и вотъ что было сдѣлано Казиміромъ въ теченіи этого времени: изъ Кракова пошелъ онъ къ Львову (50 миль) въ Апрѣль мѣсяцъ, когда разлитіе рѣкъ затрудняетъ путешествіе, нѣкоторое время осаждалъ городъ, велъ переговоры съ осажденными, наконецъ убѣдилъ ихъ сдаться, пошелъ потомъ къ Владиміру (30 миль), осадилъ и взялъ городъ, завладѣвъ всею Волинью, возвратился во Львовъ, пожегъ его укрѣпленія и съ тяжелою добычей двинулся въ Краковъ, гдѣ собралъ войско изъ всѣхъ частей государства (ex omnibus terris) и приготовился къ новому походу. (См. Анонимъ Гнезненскій и Юаннъ Длугошъ. Зубрицкаго стр. 38). Очевидно Длугошъ не обращалъ вниманія на то, что писалъ; не говоритъ уже о другихъ противурчій въ его разказѣ: владимірскій замокъ былъ напосоуженъ въ 1-й походъ, а во 2-й его опять нужно было осаждать. И такъ, отвергая извѣстія Длугоша, мы беремъ изъ нихъ только то, что согласно съ показаніями Анонима, именно, что Казиміръ въ 1340 г. завоевалъ владѣнія Болеслава. Увѣреніе Длугоша, что Казиміръ покорилъ въ 1340 г. всю русскую землю и что она съ того времени была присоединена къ Польшѣ въ качествѣ провинціи и навсегда при ней осталась, есть одно изъ сильныхъ доказательствъ недобросовѣстности этого историка.

ханъ съ удовольствіемъ согласился освободить русскую землю отъ поляковъ и снова подчинить ее своей власти; съ огромнымъ войскомъ двинулся онъ въ Польшу и опустошилъ все до самой Вислы; здѣсь онъ встрѣтилъ короля, который удержалъ его отъ переправы черезъ рѣку и, послѣ нѣсколькихъ, нерѣшительныхъ сраженій, ханъ пошелъ за лучшее возвратиться домой. Онъ вышелъ изъ Польши со множествомъ плѣнныхъ и съ богатою добычей; Галиція была освобождена отъ польской власти, потому что, конечно, ханъ, сражавшійся съ королемъ на берегахъ Вислы, не оставилъ въ тылу себя цѣлой страны, замки которой были наполнены польскими гарнизонами, тѣмъ болѣе, что страна эта возстала и соединилась съ нимъ противъ одного общаго врага — поляковъ. По извѣстію современнаго лѣтописца власть польская смѣнилась тамъ властію литовскою: Галиціей или, какъ она тогда чаще называлась; львовскою областью завладѣлъ Любартъ сынъ Гедимины князь волынской (9).

Критическій разборъ польскихъ и литовскихъ лѣтописей показываетъ, что Волынь, находившаяся подъ властію русскаго князя, Юрія II Андреевича, по крайней мѣрѣ до 1335 г., еще ранѣе, при жизни отца его — Андрея и дяди Льва, подверглась нападенію Гедимины, который мстилъ князьямъ ея за содѣйствіе ихъ ордену постоянному

9) Анонимъ подъ 1333 г и Длугошъ подъ 1340 и 1344 г.

10) Подъ 1349 г. Анонимъ говоритъ: anno 1340, eundem ducatum Russiae possidebat Lubardus, filius Gedimini, ducis Lithuaniae, т. е. тѣмъ же княжествомъ (которое прежде было во владѣніи Болеслава) завладѣлъ Любартъ. Извѣстіе это особенно важно потому, что сообщается современникомъ и при томъ важнымъ государственнымъ человекомъ. Анонимъ, какъ догадываются повѣйшіе польскіе ученые, былъ Янъ изъ Чарикова, архидіаконъ Гнезненскій, подканцлеръ королей Казимира и Людовика и потому имѣвшій полную возможность знать очень

врагу Литвы (10). Захвативъ Пинскъ и Берестье, сдѣлавшіеся послѣ удѣлами сыновей его Наримунта и Кейстута, Гедиминъ пошелъ къ Владиміру, гдѣ Андрей и Левъ дали ему битву, послѣ чего было заключено перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Гедиминъ пріобрѣлъ Пинскъ и Берестье и, какъ кажется, 2) сынъ его Любартъ женился на русской княжнѣ, дочери Льва или Андрея и въ приданое за нею получилъ права на волынскую землю (11); по прекращеніи династїи русскихъ князей, право это осуществилось и Любартъ завладѣлъ Волынью; когда же поляки, временно владѣвшіе Галиціей, были оттуда изгнаны, Любартъ распространилъ свою власть и на эту страну. Кіевъ былъ завоеванъ Гедиминомъ въ 1333 г. (12) и такимъ образомъ къ 1340 или 1341 году вся югозападная Русь соединилась подъ властію литовскихъ князей. Польша, современн Владиміра св. спорившая съ Русью за червенскіе города, нѣсколько разъ пріобрѣтавшая и терявшая ихъ, думала воспользоваться паденіемъ Руси, но должна была снова уступить спорныя земли князь-

хорошо все, что происходило въ землѣ, недавно завоеванной его королемъ. Длугошъ сообщаетъ тоже самое. Подъ 1382 г. онъ говоритъ слѣдующее: «Lubardus . . . matrimonium filiae unicae ducis Vladimiriensis sortitus, cum qua illi ducatus Leopoliensis et Vladimiriensis obveniebant.» Какъ извѣстно многіе литовскіе князья добывали себѣ русскія княжества брачными союзами, такъ Ольгердъ добылъ Витебскъ.

10) Стрыйковскій. Kron. polska, litewska и пр. изд. 1846 Варшава, I, 363. Стрыйковскій тутъ же говоритъ о бывшемъ уже прежде подчиненіи русскихъ князей Гедимины, но это ни на чемъ не основано; самое покореніе Волыни и Кіева, отнесенное къ этому же времени, т. е. къ 1320 году и рассказанное по литовской лѣтописи, изд. Нарбутомъ (Pomni. do dz. Lit. стр. 15.) представляетъ ошибку въ хронологическомъ отношеніи: Волынь, какъ мы видѣли, еще въ 1335 управлялась Юріемъ II, Кіевъ еще въ 1331 г. имѣлъ русскаго князя Осдора, завѣщавшаго отъ татаръ, см. 1-ю Новгород. лѣт. стр. 76.)

11) Latopisiec Litwy и kronika ruska, изд. Даниловича, стр. 27 и Длугошъ подъ 1382.

12) См. Судьбы Червоной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшею стр. 76.

ямъ литовскимъ, которые, принявъ вѣру, языкъ и вообще національность русскую, являются теперь владѣтелями Руси, ничѣмъ не отличавшимися отъ прежнихъ. Польша не могла отказаться отъ своей вѣковой цѣли и продолжала борьбу съ гедиминовичами, заступившими мѣсто рюриковичей.

Казиміръ, не успѣвшій осуществить своихъ притязаній на русскую землю и, видя ее во власти литовцевъ, конечно долженъ былъ стать къ послѣднимъ во враждебныя отношенія; онъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ тотчасъ же начать войну съ Любартомъ, потому что Любартъ, опираясь на своихъ братьевъ, могъ располагать силами цѣлаго литовскаго государства, а силы его были велики: гедиминовичи заняли все пространство отъ Двины и Днѣпра до Буга и Нѣмана; слѣдственно Казиміру оставалось выжидать благоприятнаго случая, хотя временнаго ихъ ослабленія, пользуясь которымъ можно было надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ ними. Случай представился въ 1349 г.; уже съ половины XIII столѣтія литовцы вели упорную, кровопролитную борьбу съ крестоносцами, которая въ описываемое время достигла крайняго ожесточенія съ обѣихъ сторонъ. Знаменитый магистръ, Виприхъ де Квинпроде успѣлъ возбудить сочувствіе къ своему дѣлу въ западномъ рыцарствѣ. Въ началѣ 1349 года къ нему собралось до 40,000 французовъ и англичанъ и съ этимъ многочисленнымъ и искуснымъ войскомъ напалъ магистръ на литовцевъ въ Январѣ 1349 г.; 24-го числа произошло столкновение, при чемъ пало со стороны ордена до 50 рыцарей и 4,000 простыхъ воиновъ, а Литва потеряла до 18,000 человекъ. Потеря эта конечно должна была нѣсколько разстроить силы гедиминовичей и отвлечь ихъ вниманіе отъ Волыни, тѣмъ болѣе, что крестоносцы грозили новымъ впаденіемъ. Казиміръ, который зорко слѣдилъ за

своими сосѣдями и который, при своей проникательности, легко оцѣнилъ затруднительность ихъ положенія, не могъ не воспользоваться благоприятнымъ случаемъ для осуществления своихъ притязаній на югозападную Русь. Съ сильнымъ войскомъ пошелъ онъ на Волынь и постепенно завладѣлъ важнѣйшими ея крѣпостями: Луцкомъ, Владиміромъ, Берестьемъ и Холмомъ, послѣ чего другія добровольно поддались ему. Князья, владѣвшіе въ нихъ признали надъ собою власть Казиміра, то же сдѣлалъ и Любартъ, за что получилъ отъ короля Луцкъ, а во Владимірѣ и нѣкоторыхъ другихъ крѣпостяхъ были посажены польскіе старосты¹³⁾. Устроивъ такимъ образомъ русскія дѣла, король съ великимъ триумфомъ воротился въ Краковъ, но не успѣлъ еще отдохнуть отъ своего похода, какъ услышалъ, что литовцы уже нападаютъ на завоеванную имъ Русь.

Дѣйствительно, Литовцы, отдохнувъ отъ пораженія, нанесеннаго имъ рыцарями, сосредоточили большую часть силъ для возвращенія потерянныхъ русскихъ владѣній. Въ 1349 г. они разорили окрестности Владиміра, Львова, а потомъ завладѣли крѣпостями владимірскою, белзскою и берестейскою и на слѣдующій годъ вторглись въ самую Польшу, гдѣ повоевали земли люблинскую, сендомірскую и даже радомскую¹⁴⁾. Тщетно король высылалъ противъ нихъ свои войска; поляки, по свидѣтельству польскихъ же лѣтописцевъ, были побуждаемы постоянно во всѣхъ своихъ столкновенияхъ съ литовцами. Анонимъ и Длугошъ объясняютъ это гнѣвомъ божіимъ за утопленіе краковского викарія, Мартина Барижки, но мы полагаемъ, что распри короля съ ду-

¹³⁾ Анон. и Длуг. подъ 1349 г.

¹⁴⁾ Анонимъ подъ 1349 г. и Длуг. 1349 и 1350 г.

ховенствомъ и дворянствомъ скорѣе сдѣлаютъ понятными эти неудачи поляковъ. Весьма естественно, что оба эти слова, раздраженные на короля за стѣсненіе ихъ правъ и вольностей, были слишкомъ перащивыми помощниками ему въ войнѣ съ литовцами и потому Казиміръ, все болѣе и болѣе озабочиваемый внутренними дѣлами государства, нашелся вынужденнымъ заключить миръ. Миръ былъ заключенъ въ 1350 г. и грамота, написанная по этому поводу, сохранилась до нашего времени; главное условіе ея о раздѣлѣ между договаривающимися русской земли есть только распространеніе извѣстій Анонима; онъ говоритъ, что король, принужденный мириться, взялъ себѣ землю львовскую, а Литвѣ отдалъ владимірскую, грамота же, выражаясь опредѣлительнѣе, высчитываетъ слѣдующія пріобрѣтенія Литвы: земли владимірская, луцкая, холмская, белзская и берестейская, а королю предоставляетъ только львовскую ¹⁵⁾. Срокъ перемирія опредѣляется такимъ образомъ: «а миръ отъ Покрова Богородицы до Ивана дня до Купаль, а отъ Ивана дня за два лѣтъ», т. е. до 24 Іюня 1353 г. Въ теченіе этихъ 2 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ ни поляки, ни литовцы не должны строить городовъ въ русскихъ областяхъ, ни поправлять

¹⁵⁾ Акты, относящіеся до исторіи запад. Руси I. № 1-й. На этомъ документѣ нѣтъ означенія времени и потому одни ученые относятъ его къ 1341 г.; другіе къ 1341 — 45 г., но мы утверждаемъ, что грамота была написана въ 1350 г. По свидѣтельству Анонима, король долженъ былъ окончить войну и заключить миръ въ 1349 г. Длугошъ описываетъ войну подъ 1349 и 50 г. и это вѣрнѣе, потому что Анонимъ слишкомъ ужъ много событій относитъ къ одному году: побѣдоносный походъ короля, устройство вновь пріобрѣтенныхъ областей, опустошеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ литовцами, подчиненіе ихъ снова литовской власти, затѣмъ опустошеніе Польши, даже радомской земли, лежащей по ту сторону Вислы, для этого мало было одного года, потому мы скорѣе согласимся съ Длугошемъ. И такъ война длилась въ 1349 и 50 годахъ; что именно эта война окончилась перемиріемъ, условія котораго изложены въ приведенной грамотѣ, лучше всего доказываются одинаковостью этихъ условій съ тѣми, которыя находятся у Анонима подъ 1349 г.

старыхъ, раззоренныхъ въ послѣднюю войну. Изъ другихъ условій можно видѣть, что между Казиміромъ и королемъ венгерскимъ, Людовикомъ существовала какая то связь и это, какъ намъ кажется, было главною причиною заключенія мира, такъ какъ литовцы, угрожаемые крестоносцами и видя усиленіе короля венгерскою помощію, не могли желать продолженія войны.

Но весьма понятно, что перемиріе не могло быть продолжительно; обѣ враждовавшія стороны выказали слишкомъ сильное желаніе обладать всею югозападною Русью и не могли довольствоваться только одною ея половиною.

Не успѣлъ еще истечь срокъ перемирія, какъ Любартъ напалъ уже на Галичъ, сжегъ его и съ большою добычею возвратился во Владиміръ; не довольствуясь этимъ набѣгомъ, онъ съ большимъ войскомъ вторгнулся въ самую Польшу и опустошилъ окрестности Завихоста; король, какъ видно, не былъ въ состояніи отмстить дерзкому литовцу и, опасаясь вторичнаго нападенія, приказалъ укрѣпить городъ Плоцкъ, лежащій почти въ срединѣ польскаго государства, — такъ великъ былъ страхъ, наведенный Литвою.

Къ 1366 году, Казиміръ собрался съ силами и рѣшился отнять у литовцевъ земли, которыя уже 15 лѣтъ, по словамъ Длугоша ¹⁶⁾, были въ ихъ обладаніи; съ большимъ войскомъ вторгнулся онъ, послѣ праздника Св. Іоанна Крестителя, въ волинскую область и прежде всего впадалъ на Белзъ; князь белзскій Юрій Даниловичъ, видя невозможность

¹⁶⁾ Этими словами Длугошъ самъ себя изобличаетъ, между 1350—66 годомъ. онъ два раза подъ 1350 и 53 годами упоминаетъ, что земля владимірская и луцкая находились во власти короля, а подъ 1366 г., что онъ уже 15 лѣтъ составляли собственность Любарта. Это мѣсто можетъ служить новымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія о времени написанія вышеприведенной перемирной грамоты.

протривиться, изъяснил притворную покорность, призналъ себя вассаломъ Казимира и, получивъ обратно Белзъ съ придачею Холма, сталъ управлять ими на ленномъ правѣ. Не подозрѣвая его лицемѣрія, король двинулся далѣе къ владѣніямъ Любарта и приказалъ опустошить ихъ за недавнія нападенія ихъ князя на Польшу. Завоеванныя области, лудская и владимірская были поручены управленію двухъ польскихъ бароновъ, всю же остальную Волинь король отдалъ литовскому князю Александру Коріатовичу, который, какъ младшій въ родѣ, при жизни дядей Ольгерда, Патрикія, Любарта, не получалъ отъ нихъ удѣла и передался на сторону короля, за что и получилъ хорошее вознагражденіе.

Такой успѣхъ короля весьма удовлетворительно объясняется затруднительнымъ положеніемъ Литвы, вслѣдствіе войны ея съ орленомъ: три раза въ этомъ году (1366) напалъ Виврихъ де Книпроеде на литовскорусскія области, производя страшныя опустошенія, и когда литовскіе князья должны были направить всѣ силы къ отпору нѣмцамъ, Казиміръ явился на Волини и успѣлъ подчинить ее своей власти. Литовцы, однакожь, не упали духомъ: въ 1370 году, пользуясь смертью Казимира и отсутствіемъ Александра Коріатовича (онъ былъ въ Краковѣ, на погребеніи короля), Любартъ и Кейстуть напали на Владиміръ, укрѣпленный кирпичною стѣною и защищаемый польскимъ старостою Петрашемъ Турскимъ; малодушію послѣдняго обязаны были они скорымъ взятіемъ города, который снабдили сплывымъ гарнизономъ на случай нападенія поляковъ. Затѣмъ они вторглись въ самую Польшу, опустошили люблинскую и сендомірскую земли, переправились черезъ Вислу и далеко въ глубь страны пронесли огонь и мечъ. Королева Елисавета, мать новаго польскаго и венгерскаго короля, Людовика отправила

пословъ къ литовскимъ князьямъ съ просьбою прекратить опустошительныя набѣги, но этимъ она еще увеличила ихъ дерзость и въ 1376 г. набѣгъ повторился и опять была раззорена сендомірская область, какъ бы въ отвѣтъ на просьбу королевы.

Мстителемъ за эти нападенія выступаетъ Людовикъ; въ 1377 г. (по Анониму, а по Длугошу въ 1376) напалъ онъ на владѣнія князя Юрія, Белзъ и Холмъ, отобралъ у него эти крѣпости, но въ замѣнъ ихъ, далъ ему Любачевъ и 100 гривенъ дохода отъ соляныхъ копей въ Бохнѣ. Этимъ ограничились всѣ слѣдствія похода; утвержденіе нѣкоторыхъ писателей, будто Любартъ, испугавшись могущества Людовика, самъ поддался ему со всѣми владѣніями, не имѣетъ достаточнаго основанія¹⁷⁾. И такъ въ древнемъ спорѣ своемъ съ Русью и потомъ съ Литвою, Польша успѣла добиться своей древней цѣли, завладѣла червонною Русью, но ея позднѣйшія притязанія на Владимірію не имѣли ни малѣйшаго успѣха, какъ видно изъ показаній современнаго лѣтописца, Яна изъ Чарникова, Архидіакона Гнезненскаго и подканцлера королей Казимира и Людовика. Трудно отказать ему, современнику и важному государственному чиновнику въ подробномъ и вѣрномъ знаніи того, что было достигнуто Людовикомъ относительно русскихъ земель.

Что же касается до львовской земли, то она временно

¹⁷⁾ Въ хроникѣ Анонима на 94 стр., между 1333 и 1339 годами, безъ всякой связи, внесено извѣстіе о походѣ 1377 года и тутъ читаемъ о подданствѣ Любарта; вставка эта очевидно позднѣйшая и не принадлежитъ Анониму, потому что въ дальнѣйшемъ разсказѣ его встрѣчаемъ на своемъ мѣстѣ описаніе похода Людовика и не находимъ тамъ о Любартѣ ни слова (см. подъ 1377 г., стр. 118 и 119); тѣмъ менѣе придаемъ мы вѣры упомянутой вставкѣ, что Длугошъ, всегда готовый увеличить выгоды Польши, также не говоритъ ни слова о подданствѣ Любарта. (см. подъ 1376 г.)

находилась въ управленіи Владислава, князя опольскаго, а въ 1377 г. отдана была венграмъ, отряды которыхъ стали по всѣмъ важнѣйшимъ крѣпостямъ львовскимъ. Эти венгры снова дали перевѣсъ Литвѣ въ ея спорѣ съ Польшею: по свидѣтельству Анонима, они, по смерти Людовика, продали Любарту нѣкоторые важныя крѣпости: Кременецъ, Лопатинъ, Олеско, Снятинъ и Перемышль и тѣмъ дали ему возможность сосредоточить въ своихъ рукахъ не только цѣлую Волинь, но и часть львовской области, бывшей съ 1349 г. въ цѣльномъ обладаніи Польши.

Господство венгровъ въ Галиціи продолжалось до начала 1387 г., когда поляки, подъ предводительствомъ своей молодой королевы, Ядвиги, пользуясь отсутствіемъ Ягелла въ Литву, заняли Галицію и присоединили ее къ Польшѣ, какъ собственность короны. Присоединеніе совершилось безъ кровопролитія, города сдавались послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, одинъ только Галичъ, защищаемый венгерцемъ Бенедиктомъ, потребовалъ нѣкоторыхъ усилій и честь его взятія принадлежитъ Витовту, къ которому обратились поляки, съ просьбою о помощи. Янъ изъ Тарнова, воевода Сендомирскій, назначенъ былъ правителемъ Галиціи ¹⁸⁾.

Показавъ такимъ образомъ средства, употребленныя Польшею для пріобрѣтенія Галиціи, посмотримъ какъ дѣйствовала она, чтобъ завладѣть и Волинью.

Любартъ, неутомимый защитникъ самостоятельности

¹⁸⁾ О заплатѣ Галиціи Длугошъ говоритъ подлѣ 1390 г., но манифестъ королевы, подтверждающій права и привилегіи львовскихъ гражданъ, выданъ 9 Марта 1387 (см. Supplem. ad H. R. Mon. N XLV); въ томъ же году Ягелло, пріѣхавшій изъ Литвы во Львовъ, актомъ отъ своего имени подтвердилъ пожалованіе супруги. (См. Kron. miasta Lwowa. Зубрицкаго, стр. 57.)

древней Владиміріи, умеръ около 1382 г., успѣвъ въ теченіи почти 40 лѣтъ обращать въ ничто всѣ усилія Польши, подкрѣпленные венгерскою помощью. Сынъ его Феодоръ былъ полноправнымъ его наслѣдникомъ и именовался княземъ лудскимъ и владимірскимъ. Правленіе Феодора Любартовича не походило на славное княженіе отца: постепенно, по частямъ отнимали у него древнюю Волинь, а наконецъ и совсѣмъ изгнали изъ отцовскаго наслѣдія. Уже въ 1386 году Ягелло отъ своего имени и Ядвига отъ своего, дали князю Феодору Даниловичу подтвержденіе на владѣніе имъ Острога, пожалованнаго ему еще Любартомъ; такимъ образомъ право пожалованія, перешедшее по наслѣдству отъ отца къ сыну, было похищено у послѣдняго королемъ польскимъ, что уменьшило его значеніе и создало ему опаснаго соперника. Но это было меньшее изъ несчастій, постигшихъ Феодора Любартовича. Витовтъ, которому король еще въ 1384 г. уступилъ Подлясье, чтобы отвратить его отъ союза съ орденомъ, теперь вмѣсто великокняжескаго, литовскаго престола, отданнаго королевскому брату Скиргайлу, получилъ всю Волинь, за исключеніемъ владимірской области, которая до времени осталась во владѣніи Феодора Любартовича. Третья часть Волини, земля белзская, перешла къ князьямъ мазовецкимъ, которые получили ее отъ Ягелла на ленномъ правѣ. Это раздробленіе литовскорусской области, увертки Ягелла, очевидно не желавшаго отдать ее въ цѣлости Витовту, все это разсердило Витовта; онъ снова перешелъ къ прусскимъ рыцарямъ и снова началась война между братьями (1390). Когда же былъ заключенъ миръ, слабый Феодоръ Любартовичъ долженъ былъ отказаться отъ владимірской области въ пользу Витовта и довольствоваться землею сѣверской.

До самой смерти своей (1430) Витовтъ спокойно вла-

дѣль Волыню, миръ и тишина господствовали въ странѣ, но съ 1430 г. для нея начались кровавыя смуты, когда преемникомъ Витовта сдѣлался Свидригайло, любимецъ русскихъ, непримиримый врагъ поляковъ и противникъ соединенія Литвы съ Польшею; Волынь вмѣстѣ съ другими литовско-русскими областями была увлечена имъ въ ожесточенную борьбу съ Польшею.

Поляки, долго сдерживаемые Витовтомъ въ осуществленіи своихъ притязаній на русскія земли, тотчасъ послѣ его смерти, бросились на замки Подолія и завладѣли ими; тоже самое хотѣли они сдѣлать и на Волыни, но тамъ, при болшемъ населеніи, при значительномъ числѣ знатныхъ русскихъ фамилій, владѣвшихъ огромными помѣстьями, нельзя было такъ дѣйствовать и Волынь по прежнему осталась во власти литовскаго князя. Когда же Ягелло, освободившись изъ заключенія, въ которомъ держалъ его Свидригайло¹⁹⁾, сообщилъ полякамъ о причиненныхъ ему оскорбленіяхъ, когда поляки удостовѣрились, что Волынь ускользнула изъ ихъ рукъ и что Свидригайло открыто стремится къ полному отдѣленію Литвы отъ Польши, тогда они рѣшились на войну съ нимъ и только усиленныя просьбы короля, не желавшаго войны съ братомъ, заставили испробовать мирныя средства. Отправлено было посольство, которое, объявляя Свидригайлу справедливый гнѣвъ поляковъ за оскорбленіе ихъ короля, должно было потребовать возвращенія Волыни. Свидригайло, очевидно не желалъ никакихъ переговоровъ; чтобы сдѣлать ихъ невозможными, онъ далъ пощечину одному изъ членовъ

¹⁹⁾ Свидригайло, какъ увидимъ ниже, задержалъ Ягелло на некоторое время въ Вильнѣ и путемъ насилія старался добиться отъ него уступки Подолія захваченной поляками.

посольства и вслѣдъ за тѣмъ, по его слову, литовцы изъ замковъ Збаража, Олеска и Кременца начали свои опустошительныя набѣги на червонную Русь, принадлежавшую Польшѣ. Такъ завязалась борьба между братьями и между двумя народами, соединеніе которыхъ было желательно только одному изъ нихъ.

Въ Маѣ 1431 г., Король собралъ войско изъ Малопольнѣ и двинулся съ нимъ на Волынь, чрезъ белзскую область; Великопольяне должны были присоединиться къ нему на походѣ; оба эти отдѣла двигались весьма медленно, чѣмъ дали литовцамъ возможность приготовиться къ войнѣ. Укрѣпленныя мѣста приведены были въ оборонительное состояніе и снабжены всѣмъ необходимымъ для продолжительной осады; замки Владиміръ и Збаражъ, на укрѣпленіе которыхъ не достало средствъ, были разрушены и все окрестное населеніе, съ своимъ имуществомъ скрылось въ глубь края, оставляя по себѣ пустыню. Поляки объявили Владиміръ и Збаражъ своею собственностію; съ великою радостью узнали объ этомъ въ цѣлой Польшѣ, радовались этому приобрѣтенію, какъ ослабленію Литвы и какъ новой опорѣ для притязаній на литовско-русскія земли. Чувство это, однакожь, было преждевременно: король отдалъ Владиміръ съ окрестностями какому то Федору (Федюшко), сыну одного изъ своихъ братьевъ и тѣмъ показалъ, что мало заботится объ интересахъ короны.

Въ концѣ Іюля перешло войско отъ Владиміра къ Луцку и, поразивъ Свидригайла надъ Стыремъ, заняло Луцкъ, опустошенный литовцами; затѣмъ началась осада замка луцкаго. Поведеніе короля въ теченіе этой осады было крайне странно и нельзя не согласиться съ Длугошемъ, что онъ болѣе благопріятствовалъ Свидригайлу и русскимъ, нежели

полякамъ; множество фактовъ можетъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія: когда польскія ядра сдѣлали нѣсколько брешей и когда хотѣли повести приступъ, король не далъ на то своего разрѣшенія; недостатокъ продовольствія заставилъ коменданта предложить трехдневное перемиріе съ условіемъ, что, если Свидригайло въ это время не пришлетъ ему помощи, онъ сдастъ городъ. Какъ ни страннымъ казалось это предложеніе, король принялъ его, не обращая вниманія на ропотъ цѣлаго войска и комендантъ, запасшись водой и съѣстными припасами еще до истеченія трехъ дней, объявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не сдастъ города. Свидригайло, утвердившись въ Степанѣ, съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы, пользуясь очевиднымъ расположеніемъ короля, затягивать осаду Луцка; въ разное время выпрашивалъ онъ перемиріе то на шесть, то на восемь дней, а осаждающіе между тѣмъ, приводимые въ разстройство съ трудомъ доставали продовольствіе, теряли людей и лошадей. Раздраженіе ихъ высказывалось въ жестокомъ обращеніи съ плѣнными, раздраженіе противъ короля было также велико, потому что можно было указать на тѣхъ изъ его придворныхъ, которые доставляли припасы осажденнымъ; предполагали даже, что вмѣстѣ съ припасами доставлялись и военные снаряды. Дисциплина сдѣлалась невозможною, когда простые солдаты имѣли основаніе укорять въ измѣнѣ многихъ изъ своихъ начальниковъ; особенно подозрѣвали Заренбу, каштеляна серадзкаго.

Между тѣмъ Свидригайло, занимая поляковъ мирными переговорами, которые часто прерывались и опять начинались, заключилъ союзъ съ орденомъ и господаремъ молдавскимъ, вслѣдствіе котораго первый опустошилъ Куявію, второй сдѣлалъ тоже съ галицкой областью. Чтобы спасти

столь любимую королемъ Червонную Русь, отдѣлено было нѣсколько полковъ и тѣмъ значительно ослаблено осаждающее войско; великополяне, узнавъ о нападеніи рыцарей на Куявію, стали громко говорить, что лучше идти защищать свою землю, чѣмъ напрасно гибнуть подъ стѣнами Луцка. И такъ маневръ Свидригайла достигъ своей цѣли: продолженіе осады стало представляться дѣломъ весьма непріятнымъ, и миръ или перемиріе сдѣлались предметомъ всеобщаго желанія; естественно, что при такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи объ условіяхъ, выгодныхъ для поляковъ и дѣйствительно перемиріе было заключено (до дня Іоанна Крестителя, 1433 г.) на основаніи *statu quo*; ни одна изъ враждебныхъ сторонъ не сдѣлала приобрѣтеній, каждая только сохранила то, чѣмъ владѣла прежде. И такъ Волынь осталась въ рукахъ литовцевъ и рада коронная имѣла горькое утѣшеніе возлагать причину этаго на короля, который дѣйствительно болѣе держалъ сторону Свидригайла ²⁰⁾.

5-го Сентября объявлено перемиріе и въ тотъ же день король снялъ осаду, распустилъ войско и отправился въ Польшу чрезъ хелмскую землю; ни чувство радости, столь естественное по освобожденіи отъ опасности, ни умѣреніе вражды не было высказано русскимъ населеніемъ Волыни, напротивъ они истребили или побрали въ плѣнъ всѣ малые отряды, почему либо запоздавшіе и обратили въ пепель бывшіе въ луцкой области костелы.

²⁰⁾ Около этого же времени умеръ вышеупомянутый Федоръ, завѣщавъ королю все свое имѣніе; конечно это былъ отличный случай присоединить къ коронѣ владимірскій округъ, но король этого не сдѣлалъ и Владиміръ по прежнему остался частью Волыни.

Походъ этотъ, не принесшій Польшѣ ни славы, ни матерьяльныхъ выгодъ, былъ полезенъ только въ томъ отношеніи, что открылъ всѣмъ глаза на дальнѣйшія послѣдствія дѣятельности Свидригайла: всѣмъ сдѣлалось ясно, что рано или поздно онъ оторветъ Литву и русскія области отъ союза съ Польшею и лишитъ короля всякаго верховнаго права, которое онъ, хотя номинально, сохранялъ надъ ними. Слѣдствіемъ подобнаго пониманія намѣреній Свидригайла было соглашеніе между королемъ и радой, интриги послѣдней въ Литвѣ и выставленіе Сигизмунда Кейстutowича, какъ соперника Свидригайлу. Сигизмундъ, обязанный всѣмъ Польшѣ, съ удовольствіемъ призналъ себя вассаломъ короля и только пожизненнымъ владѣтелемъ литовскаго княжества, Волыни, Подолія и другихъ, соединенныхъ съ нимъ русскихъ областей. Въ записи, выданной Сигизмундомъ, какъ непререкаемая собственность короны разсматриваются только нѣкоторыя волынскіе замки, какъ то Ратно, Ветлинь, Лопатинъ и Олеско, если король возьметъ его, потому что въ это время польское войско осаждало этотъ городъ ²¹⁾. Само собою разумѣется, что, въ силу записи, Литва и подчиненныя ей русскія области должны были, по смерти Сигизмунда, перейти въ собственность короны. Свидригайло спокойно смотрѣлъ на эти письменныя признанія и обязательства, а между тѣмъ для дѣйствительной поддержки правъ своихъ, отправилъ въ Подолію князя Острожскаго Федора (Федюшка, какъ называютъ его лѣтописи), а въ Луцкѣ оставилъ намѣстника своего, князя русскаго Ноша (Nosz), поручивъ ему безпокоить поляковъ нападеніями на пограничныя, хелмскую и брестскую земли. (см. Длуг. подъ 1433).

²¹⁾ Городъ былъ взятъ и присоединенъ къ коронѣ, какъ ея собственность.

(Двѣ побѣды, одержанныя великимъ княземъ Сигизмундомъ надъ Свидригайломъ, подъ Опшмянами (1434) и Вилькомиромъ (1435), не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій. Только въ 1437 г., оставленный самымъ дѣятельнымъ союзникомъ, именно магистромъ прусскимъ, и постоянно преслѣдуемый Сигизмундомъ, Свидригайло, уже 70 лѣтній старецъ, рѣшился сблизиться съ Польшею, чтобы обезпечить себѣ спокойствіе въ немногіе, остающіеся ему годы. Прибывъ въ Краковъ, онъ выразилъ желаніе признать короля и корону за верховныхъ владѣтелей земли волынской; ближайшій сеймъ, разсмотрѣвъ это предложеніе, нашелъ, что гораздо выгоднѣе принять его, не обращая вниманія на договоръ, заключенный съ Сигизмундомъ, нежели ожидать смерти послѣдняго, когда Волынь съ прочими руссколитовскими областями, должна сдѣлаться собственностью Польши. Сеймъ въ этомъ случаѣ уничтожалъ всякую опору для своихъ притязаній на руссколитовскія земли; опора эта, какъ мы видѣли, заключалась въ двухъ актахъ: городельскомъ и договорѣ съ Сигизмундомъ; уничтожая послѣдній, тѣмъ самымъ сеймъ показывалъ, какъ мало придаетъ онъ значенія первому. Винцентій Шамотульскій, каштелянъ мендзижецкій, и Янъ изъ Сіенны, каштелянъ войницкій, назначены состоять при Свидригайлѣ ²²⁾. Въ то же время отборное посольство отправилось въ Вильно, чтобы испросить соизволеніе Сигизмунда на дѣло, уже совершенное, и вмѣстѣ съ тѣмъ возобновить прежній договоръ, въ измѣненномъ, конечно, видѣ. Сигизмундъ не согласился на измѣненіе, и депутація должна была ограничиться повтореніемъ прежняго договора. И такъ сеймъ велъ себя двусмысленно, съ одной стороны онъ принялъ предло-

²²⁾ См. Длугоша подъ 1437 и 1438 г.

женіе Свидригайла и назначилъ въ Луцкѣ коронныхъ чиновниковъ ²³⁾; съ другой, онъ заключилъ съ Сигизмундомъ договоръ, въ которомъ призналъ права его на луцкую область. Настоянія Сигизмунда, требовавшего Луцка, были уважены, по словамъ Длугоша, въ 1438 же году; но въ 1440 г. Сигизмундъ былъ убитъ, и тогда Свидригайло, скрывавшійся нѣкоторое время въ Влахія ²⁴⁾, явился подъ стѣнами Луцка, который съ радостію отворилъ ему ворота. Завладѣвъ Луцкомъ и всею Волынью, Свидригайло сталъ въ подчиненныя отношенія къ новому великому князю литовскому, Казимиру Ягеллоновичу, что выражается словами литовскаго лѣтописца: «и князь Казиміръ ласково его (Свидригайла) принялъ и далъ ему до живота Луцкѣ со всею волынскою землею» ²⁵⁾. Съ этого времени, особенно по избраніи Казимира королемъ польскимъ, споръ между Литвою и Польшею разгарается все болѣе и болѣе. Литовскіе чины, уже владѣя Волынью, домогались возвращенія Подоли и тѣхъ волынскихъ замковъ, которые находились во власти поляковъ, именно Олеска, Ратна, Ветлина и Лопатина, но въ отвѣтъ получали требованіе возвратитъ коронѣ всю волынскую область. Между тѣмъ Свидригайло приближался къ концу своего бурнаго существованія; и корона, и Литва употребляли теперь всѣ

²³⁾ Чиновники эти не стѣсняли власти Свидригайла, бывшаго по прежнему самостоятельнымъ, см. акты, относящіеся до исторіи западной Россіи, МЛД 36 и 37; въ нихъ Свидригайло дѣлаетъ пожалованія, принимаетъ въ сословіе рыцарей, называетъ себя, въ первомъ: «великимъ княземъ литовскимъ, русскимъ и инымъ», во второмъ «русскимъ и инымъ»; однимъ словомъ ведетъ себя вполне самостоятельно. Янъ Войницкій, одинъ изъ состоявшихъ при немъ коронныхъ чиновниковъ, упоминается только въ первомъ актѣ въ числѣ свидѣтелей, которые всѣ были подданными Свидригайла; исключительное положеніе его ничѣмъ не обозначено.

²⁴⁾ Romm. do dz. Lit. 56, то же у Стрыйковскаго.

²⁵⁾ ibidem стр. 56.

усилія, чтобъ захватить въ свои руки его наслѣдство. Въ этомъ случаѣ король (прежде только великій князь литовскій, Казиміръ Ягеллоновичъ) былъ на сторонѣ литовцевъ: онъ посадилъ въ Луцкѣ Олизара Шиловича, который далъ ему клятвенную запись, что будетъ держать городъ, какъ собственность великаго княжества литовскаго, не отдастъ его никому, кромѣ короля и великаго княжества, а по смерти короля тому изъ сыновей его, который будетъ управлять Литвою ²⁶⁾. Рада же коронная назначила въ Луцкѣ Николая, подсудка сендомирскаго и поручила ему занять Луцкѣ во имя короля тотчасъ по смерти Свидригайла, но Литва еще ранѣе приняла свои мѣры: значительный отрядъ войска подъ предводительствомъ Юрія, князя пинскаго, князя Радзивила Остыковича и старосты Юрши находился уже въ Луцкѣ и Свидригайло, умирая 10 Февраля 1452 г., приказалъ своему старостѣ, Немиру и двумъ князьямъ Чарторыйскимъ сдать городъ литовцамъ что и было исполнено. Владиміръ, для занятія котораго не хватило военной силы, былъ разрушенъ и всѣ служившіе Свидригайлу дали присягу великому княжеству литовскому ²⁷⁾.

Подобный ходъ дѣлъ, оставившій Волынь снова въ рукахъ Литвы, произвелъ большое неудовольствіе въ Малой Польшѣ. Малопольскіе паны, сосѣди Волыни и другихъ русскихъ областей, всегда могли рассчитывать на богатые староства и другіе уряды въ этихъ плодородныхъ земляхъ; вотъ почему, уже помимо чувства патріотизма, они особенно печалились о неисполнившихся ожиданіяхъ на счетъ Волыни и рѣшились, во что бы то ни стало, присоединить ее къ ко-

²⁶⁾ Акты, относящ. до исторіи зап. Россіи I, 67.

²⁷⁾ См. Длугоша подъ 1452.

ронѣ. Великополяне напротивъ, занятые своими отношеніями къ ордену, мало заботились объ югозападной Руси и на этомъ то различіи интересовъ двухъ частей польскаго народа король, пріязненный литовцамъ, основалъ свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. Неоднократныя манифестаціи воинственнаго характера, которыми малополяне выражали свое неудовольствіе на короля, легко могли получить характеръ бунта, еслибъ великополяне были расположены дурно смотрѣть на нихъ. Нужно было теперь достигнуть этой цѣли, предупредить всякую возможность сочувствія между двумя частями польской націи и даже произвести между ними холодныя отношенія. Королевскій посоль, Томашъ Сецигнѣвскій безъ особеннаго труда успѣлъ представить Великополянамъ поведеніе ихъ южныхъ соплеменниковъ въ дурномъ свѣтѣ и получилъ отъ нихъ обѣщаніе стоять за короля на ближайшемъ генеральномъ сеймѣ. Сеймъ этотъ былъ созванъ въ Серадзѣ, (въ Великой Польшѣ) въ 1452 г. на день св. Вароломея. Здѣсь должно было произойти столкновение двухъ партій: за короля и принадлежность Волыни къ Литвѣ и противъ того и другаго. Случилось то, чего не ожидали ни король, ни литовцы: на самомъ сеймѣ обѣ партіи соединились, потому что король отказывался произнести подтвержденіе правъ короны, между прочимъ, и на русскія земли, такъ какъ этимъ самымъ онъ нарушилъ бы присягу, данную литовцамъ (въ непорушимости ихъ территоріи). На слѣдующемъ сеймѣ въ Піотрковѣ, король долженъ былъ дать это подтвержденіе, въ противномъ случаѣ ему угрожала потеря трона или особый попечительный совѣтъ, безъ согласія котораго онъ ничего не могъ дѣлать. Литовцы, до сейма піотрковскаго добившіеся Подолія и тѣхъ волынскихъ замковъ, которые находились въ рукахъ поляковъ, съ неудовольствіемъ читали

присягу короля: «я буду стараться по мѣрѣ силъ моихъ возвратить государству все, что когда либо несправедливо было отъ него отторгнуто».

Зная уже тѣ доводы, которыми поляки старались доказать права свои на русскія области, литовцы видѣли, что король, ихъ прежній союзникъ, единственная ихъ опора, перешелъ на сторону поляковъ и что такимъ образомъ споръ съ ними сдѣлается нескончаемымъ. Споръ этотъ, какъ и всѣ споры, не привелъ ни къ какому результату, Подолія осталась за короной, Волынь за Литвою.

Въ 1463 г. земля белзская, еще Ягелломъ оторванная отъ Литвы и въ теченіе 70 лѣтъ управлявшаяся князьями мазовецкими на ленномъ правѣ, по смерти внука перваго князя, владѣвшаго ею, сдѣлалась свободною; литовскіе чины выслали пословъ на сеймъ, собравшійся въ Піотрковѣ и потребовали возврата белзской области, а также волынскихъ замковъ, Олеска, Ратна, Лопатина, Ветлина, желая такимъ образомъ всю древнюю Волынь соединить подъ своею властью. Въ этомъ случаѣ они не имѣли ни малѣйшей опоры въ король, а отъ сейма услышали старое увѣщаніе отдать то, чѣмъ неправильно владѣетъ Литва, т. е. лужскую и владимірскую области, Подлясье и землю брацлавскую²⁸⁾.

Какъ бесполезно было вести эти безплодные споры, также бесполезно и описывать ихъ далѣе; путь убѣжденія, ссылки на исторію, писменные акты, все это не было средствомъ, удобнымъ для разрѣшенія спора: убѣжденіе было невозможно, потому что ни одна сторона не признавала справедливыми доводовъ другой, исторію можно было искажать сообразно съ потребностями времени, а писменные акты,

²⁸⁾ Дзугошъ подъ 1463.

договоры, исходящіе отъ одного лица и часто объясняемые корыстными побужденіями этаго лица, не могли, по самой натурѣ своей, разрѣшить споръ между двумя народами. Былъ только одинъ способъ рѣшенія — съ оружіемъ въ рукахъ, но къ нему боялись прибѣгнуть, имѣя на то важныя причины; о причинахъ этихъ мы скажемъ ниже, а теперь обратимся къ исторіи Подолія.

Подолія страна, текущая медомъ и млекою,²⁹ особенно привлекала взоры поляковъ, которые вслѣдствіи старались доказать, что первоначально завладѣла ею Польша. Древнѣйшій лѣтописецъ литовскій, лучшій источникъ для рѣшенія этого вопроса, подробно и основательно рассказываетъ, какимъ образомъ вышла Подолія изъ подъ власти татаръ и попала въ управленіе князьямъ литовскимъ. «1351 годъ. Князь великій Ольгердъ, собравшись съ силами своими литовскими и шедши побить Татаръ на Синей Водѣ, трехъ братьевъ, Качубея, Кутлубея и Дмитрія, а тѣ три брата въ ордѣ пановали и отчичи и дѣдичи были подольское земли, а отъ нихъ положены были на Подолѣ атаманы, которые всѣ доходы завѣдали, а къ нимъ пріѣзжали баскаки татарскіе и у тѣхъ атамановъ беручи дань, къ ордѣ воживали; братъ же великаго князя Ольгерда, князь Коріатъ держалъ Новогородокъ литовскій, а у него были 4 сына: князь Юрій, кн. Александръ, кн. Константинъ и кн. Ѳеодоръ. И тѣ князья Коріатовичи, три брата, съ дозволеніемъ великаго князя Ольгерда и съ литовскою помощію, пошли въ подольскую землю, и въ тотъ часъ въ подольской землѣ не было ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленный, ни камнемъ будованный. Тогда тѣ князья, пришедши въ подольскую землю и

²⁹⁾ Длугошъ подъ 1396.

вошли въ пріязнь съ атаманами и начали боронити подольскую землю отъ Татаръ и баскакамъ выхода почали не давати. Наипервѣй нашли себѣ твержу на р. на Смотричѣ и тутъ себѣ нарядили городъ Смотричъ. Въ другомъ мѣстѣ были чернецы въ горѣ и тутъ нарядили себѣ городъ Бакоту и ловячи въ ливахъ пригодилося имъ уловити много оленей въ томъ островѣ, гдѣ нынѣ Каменецъ лежитъ, и посѣкши лѣсъ умуровали городъ Каменецъ, а съ того вси города подольскіе подѣлали и всю землю подольскую осѣли»³⁰).

И такъ послѣ знаменитой битвы надъ Синими Водами, Коріатовичи, съ позволенія Ольгерда и съ литовскою помощію, отправились въ Подолію, принадлежавшую татарамъ, вошли въ сношенія съ поставленными отъ нихъ атаманами, привлекли ихъ на свою сторону и отказали татарамъ въ дани. Молчаніе лѣтописца о противудѣйствіи татаръ литовскимъ князьямъ, можетъ быть объяснено только тѣмъ страхомъ, который нагналъ на нихъ Ольгердъ недавнимъ пораженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленіемъ ихъ вслѣдствіе той же побѣды. Захвативъ Подолію, Коріатовичи построили въ ней города, значитъ заселили ее и стали ею управлять. Длугошъ, который зналъ приведеннаго лѣтописца и пользовался имъ, тутъ не обращаетъ никакого вниманія на его извѣстія. Онъ молчитъ о Коріатовичахъ, не знаетъ о знаменитой побѣдѣ надъ Синими Водами и только между прочимъ упоминаетъ, что Подолія была завоевана Казиміромъ Великимъ³¹). Не говоря уже, что указанное выше молчаніе Длугоша ка-

³⁰⁾ Pomniki do dz. Litwy. Narb. стр. 19. Latopisiec Litwy i kronika ruska. Даниловича стр. 49 — 50.

³¹⁾ Podoliam, quam Cazimirus secundus optimus rex Polonorum, armis et ferro de Tartarorum potestate et manibus acquisiuerat. Длугошъ подъ 1396.

жется не только подозрительнымъ, но даже просто умышленнымъ, мы еще потому не опровергаемъ словъ его, что выше показали границы завоеваній Казимира, не простиравшіяся далѣе червонной Руси. Доказательство Кромера о завоеваніи Подолія Казиміромъ, основанное на томъ, что воевода подольскій имѣлъ въ сенатѣ мѣсто передъ белзскимъ, а мѣста въ сенатѣ давались воеводамъ по времени присоединенія земель къ коронѣ, земля же белзская уже въ 1387 г., какъ собственность короны, отдается Земовиту мазовецкому, — доказательство это не имѣетъ значенія, потому что белзская земля, какъ воеводство польское, образовалась только въ 1462 г., между тѣмъ, какъ воевода подольскій засѣдалъ въ сенатѣ уже съ 1434 г. Представленныя опроверженія Длугоша и Кромера получаютъ еще болѣе силы вслѣдствіе словъ Стрыйковскаго, сравнившаго 12 русскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ, которые единогласно утверждаютъ, что Коріатовичи первые выгнали татаръ изъ Подолія, основали Каменецъ, Скаду, Бакоту и другіе города и присоединили эту страну къ великому княжеству литовскому ³²⁾.

Различная участь постигла Коріатовичей, первыхъ завоевателей Подолія; трое изъ нихъ остались вѣрными литовскорусскому государству и литовскорусской или, лучше сказать, русской народности; четвертый, Александръ оказался болѣе склоннымъ къ государству польскому, былъ вѣрнымъ ленникомъ короля Казимира и даже, какъ можно предполагать, измѣнилъ православной вѣрѣ ³³⁾. Въ награду за преданность, король далъ Александру въ 1366 г. часть

владимірской земли ³⁴⁾, которою онъ, по словамъ Анонима ³⁵⁾, вѣрно управлялъ до смерти Казимира, не смотря на то, что владѣнія его лежали въ сосѣдствѣ двухъ сильнѣйшихъ враговъ Польши, Любарта и Кейстута. Въ 1370 г. эти князья, пользуясь отсутствіемъ Александра, взяли Владиміръ и такимъ образомъ этотъ городъ съ его округомъ снова попалъ въ управленіе Любарта. Александръ Коріатовичъ, какъ видно изъ выданной имъ въ 1375 г. грамоты (см. выше прим. ³³⁾), воротился въ Подолію и тамъ былъ убитъ татарами, которые, по всей вѣроятности, еще кочевали тамъ отдѣльными толпами ³⁶⁾. Князь Константинъ оказался особенно твердымъ и вѣрнымъ въ дѣлѣ православія: по свидѣтельству литовскаго лѣтописца, король Казиміръ, не имѣя мужскаго потомства, предложилъ ему свою дочь въ замужство, съ обѣщаніемъ передать ему польскую корону; Константинъ отказался, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него потребовали принятія католицизма, и остался до самой смерти въ своемъ подольскомъ княжествѣ. Послѣдній слѣдъ его въ исторической письменности относится къ 1388 г. ³⁷⁾. Юрій управлялъ частью Подолія, сосѣдней съ червонною Русью; имя его упоминается въ договорахъ Казимира Великаго съ литовскими князьями; въ концѣ своей жизни онъ былъ призванъ въ Молдавію, вѣроятно одною изъ боярскихъ партій и, по измѣненіи обстоятельствъ, былъ отравленъ ³⁸⁾. «А братъ ихъ четвертый,

³⁴⁾ Длугошъ подъ 1366.

³⁵⁾ Анонимъ подъ 1366 г.

³⁶⁾ Лѣтопись Даниловича стр. 51.

³⁷⁾ Pomn. do dz. Lit. 19 и лѣтопись Даниловича стр. 51. — Naruszewicza t. VII, tabl. genealogiczne do historji Polski и Кромера. Inventarium publicarum litterarum regni Poloniae, см. у Стадницкаго. Syn. Ged. I, прим. 116.

³⁸⁾ Pomn. do dz. Lit. 19 и лѣтоп. Давил. 51.

³²⁾ Kron. polska, litewska и пр. II, 104, 5, 6. изд. 1846 г. въ Варшавѣ.

³³⁾ Акты, относящ. къ исторіи зап. Россіи I, 21.

Феодоръ Коріатовичъ въ Литвѣ Новгородокъ держалъ и услышалъ то князь Феодоръ, что братья его въ подольской землѣ въ животѣ не стало и онъ шедши подольскую землю засѣлъ. А въ тѣ лѣта князю великому князю Ольгерду на Литвѣ и на Руси, князь Феодоръ, подольскую землю осѣвши и съ землею подольскою не хотѣлъ послушенъ быть великому князю Ольгерду. А кн. вел. Ольгердъ пошелъ со всѣми силами литовскими къ Подолію, и вслышалъ то князь Феодоръ Коріатовичъ, убѣгъ съ подольской земли въ Угры, а города осадилъ Волохамн. Города эти были взяты Ольгердомъ, который посажалъ въ нихъ своихъ старостъ, а Каменецъ далъ держать Гаштольду Гаштольдовичу ³⁹⁾. Здѣсь ошибка литовскаго лѣтописца очевидна: Феодоръ Коріатовичъ принялъ управленіе Подоліей по смерти своихъ братьевъ, Константинъ, какъ намъ извѣстно, жилъ еще въ 1388 г., слѣдственно водвореніе Феодора Коріатовича въ Подолію должно было случиться гораздо послѣ смерти Ольгерда (1377), а потому естественно не противъ него долженъ былъ возставать Феодоръ. Литовскій же лѣтописецъ, болѣе современный рассказанному событію, а потому болѣе достовѣрный, даетъ намъ возможность поправить ошибку своего продолжателя, вмѣсто Ольгерда онъ рассказываетъ про Витовта, который въ 1392 г. сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ и получилъ такимъ образомъ право верховнаго владычества надъ подольскимъ княземъ ⁴⁰⁾.

³⁹⁾ Pomn. do dz. Lit. 20.

⁴⁰⁾ Лѣтописецъ Данил. 51 и 52. Различныя чтенія въ двухъ этихъ лѣтописцахъ объясняютъ намъ ошибки Стрыйковскаго, который, не умѣвъ согласить ихъ, утверждаетъ, что были два Феодора Коріатовича, одинъ возсталъ противъ Ольгерда, другой противъ Витовта, оба обращались за помощью къ Венграмъ и оба были выгнаны изъ Подоліи; разница между ними только въ томъ, что одинъ умеръ въ Венгріи, а другой былъ отвезенъ въ Вильно и тамъ содержался въ заключеніи. см. Krop. polska, lit. и пр. II, 104.

До тѣхъ поръ почти независимые ⁴¹⁾, удѣльные князья литовскіе вѣроятно неприятно почувствовали тяжелую руку новаго великаго князя, неудовольствіе противъ него сильнѣе и прежде всего выразилось въ дѣятельности властителя Украйны, Владиміра Ольгердовича и Феодора Коріатовича подольскаго; походы въ Украйну и въ Подолію были первыми дѣлами Витовта, великаго князя литовскаго. Дальнѣйшая участь Феодора Коріатовича мало насъ интересуетъ, для насъ важно то, что Подолія изъ рукъ Коріатовичей перешла во власть великаго князя литовскаго. Это обстоятельство было крайне неприятно полякамъ, которые тогда уже начали дѣло соединенія руссколитовскихъ областей съ Польшею. Вѣроятно они обратились къ королю, напомнили данное имъ при коронаціи обѣщаніе и такимъ образомъ заставили Ягелла промышлять о Подоліи. Этимъ объясняются дальнѣйшія извѣстія литовскаго лѣтописца: «милый брате, говорилъ король Витовту, дай тебѣ Богъ, добылъ еси подольскую землю, учини мнѣ тую честь, дай мнѣ подольскую землю. Князь великій Витовтъ далъ подольской земли половину королю въ двадцати тысячахъ; далъ Каменецъ, Смотричъ, Бакоту, Черлений городокъ и Скалу. А на иныхъ, на всѣхъ подольскихъ земляхъ и городахъ князь великій Витовтъ своихъ старостъ посажалъ, на Брацлавѣ, на Соколицѣ и Винницѣ. А король тѣ города пану Спытку въ 20,000 заставилъ» ⁴²⁾. Польскіе лѣтописцы, какъ напр. Длугошъ, отвергающіе завоеваніе Подоліи литовцами, конечно, не приводятъ ничего

⁴¹⁾ Ольгердъ, послѣ перваго занятія Подоліи, посадилъ въ Каменецъ Гаштольда Гаштольдовича, который послѣ былъ переведенъ въ Вильно и такимъ образомъ Феодоръ Коріатовичъ былъ вполне независимъ.

⁴²⁾ Лѣтопись Даниловича, стр. 52.

подобнаго этому разговору. Длугошъ, утверждая подъ 1396 г., что завоеваніе Подоліи совершено Казиміромъ, просто сообщаетъ о пожалованіи ея на ленномъ правѣ краковскому палатину, Спытку de Melschtin. Между тѣмъ извѣстіе литовскаго лѣтописца и объясненіе наше ему предпосланное, кажутся намъ вполне основательными. Отысканіе земель, когда либо принадлежавшихъ коронѣ, во исполненіе обща-нія, даннаго королемъ при коронаціи, началось, по Длугошу, ранѣе пожалованія Подоліи Спытку, именно уже въ 1395 г. дѣлался приготовленія къ войнѣ съ Владиславомъ опольскимъ изъ за коронныхъ земель, велунской, добрицкой и остжеховской, находившихся въ его владѣніи. Весьма есте-ственно было, по возвращеніи этихъ земель, подумать и о Подоліи, которая, по убѣжденію Поляковъ, выраженному лѣ-тописцами, составляла ихъ давнюю собственность. Съ другой стороны, положеніе Витовта, войны, отовсюду ему угрожав-шія, съ орденомъ, съ татарами, съ литовскими князьями, нежелавшими ему подчиняться, положеніе это требовало, во первыхъ мира съ Польшею, во вторыхъ денежныхъ средствъ. И то и другое достигалось удовлетвореніемъ просьбы Ягелла, который самъ, не имѣя денегъ, заложилъ Подолію богатому краковскому палатину за ту же сумму, которой требовалъ Витовтъ.

Недолго однакожъ продолжалось владѣніе Спытка, въ 1399 г. онъ палъ въ знаменитой и несчастной битвѣ съ та-тарами на берегахъ Ворсклы и Подолія осталась безъ пра-вителя, такъ какъ дѣти Спытка были еще малы и не могли управлять страной, подверженною частымъ нападеніямъ та-таръ. Тогда Подолія послужила средствомъ къ умиротворенію одного изъ замѣчательнѣйшихъ князей литовскихъ, Свидри-гайла. Изъ зависти къ своему двоюродному брату, получив-

шему велико-княжеское достоинство, Свидригайло сдѣлался отъявленнымъ врагомъ его и Ягелла, который даровалъ это достоинство Витовту; съ самаго 1392 г. онъ бросался во все стороны и искалъ средствъ вредить и королю и великому князю; въ теченіе 8 лѣтъ онъ побывалъ и въ Пруссіи, и въ Ливоніи, и въ Венгріи и неразъ нападалъ на Литву, забывая въ ней свое отечество. Ему то король и Витовтъ предложили Подолію ⁴³⁾, думая тѣмъ привлечь его на свою сторону и на первое время не ошиблись. Свидригайло принялъ предложе-ніе, забылъ, какъ казалось, свою ненависть, но уже въ 1403 г. убѣжалъ въ Маріенбургъ, къ магистру и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ опустошать Литву ⁴⁴⁾. Что же сдѣлалось по-томъ съ Подоліей? извѣстіе о томъ находимъ у древнѣйшаго лѣтописца литовскаго: «И король почалъ посылати къ вели-кому князю Витовту, реучи, что еси намъ половину по-дольское земли въ 20,000 пенезей 1 далъ), мы дали въ 20,000 пану Спытку и пани Спытковая овдовѣла, а дѣти малы, а отъ татаръ земли той некому боронити, отдай 20,000, а го-рода опять побери за себя. И князь великій послалъ королю 40,000 (съ паномъ Немиромъ и луцкимъ бояриномъ, Дмит-ріемъ Васильевичемъ), а города свои опять взялъ» ⁴⁵⁾. Та-кимъ то образомъ Подолія снова перешла во власть Витовта, который для управленія ею посадилъ тамъ своихъ воеводъ, первымъ (по времени) былъ Петръ Монтикирдовичъ, вторымъ Дидикгойлдъ и послѣднимъ Долкгирдъ, пережившій Витов-та ⁴⁶⁾. Мы вѣримъ этому извѣстію литовскаго лѣтописца во

⁴³⁾ Длуг. подъ 1403 г.

⁴⁴⁾ ibidem.

⁴⁵⁾ Лѣтопис. Дашич. стр. 53.

⁴⁶⁾ ibidem.

первыхъ потому, что оно хорошо объясняется положеніемъ, въ которомъ находился Ягелло: утомительная и долгая борьба съ орденомъ, истощеніе денежныхъ средствъ и въ особенности страхъ предъ постоянно усиливающимся могуществомъ Витовта, все это были причины, достаточныя для того, чтобы стараться о поддержкѣ добрыхъ отношеній съ литовскимъ княземъ; а во вторыхъ потому, что тотъ же фактъ — уступка Подоліи Витовту — сообщается и Длугошемъ, но по обычаю этого писателя уступка представляется нѣсколько въ иномъ видѣ: Длугошъ говоритъ, что король отдалъ Витовту Подолію «in tenutam», въ держаніе т. е. во владѣніе временное и зависимое ⁴⁷⁾.

По смерти Витовта настали плохія времена для Подоліи, паны польскіе обманомъ захватили Долгирда, а съ нимъ и Подолія перешла въ руки польскаго правительства и, какъ увидимъ, сдѣлалась для него источникомъ многихъ безпокойствъ.

Ягелло, по погребеніи Витовта, поручилъ судьбы литовскаго государства Свидригайду, при чемъ былъ обойденъ Сигизмундъ Кейстutowичъ, какъ человѣкъ, ничѣмъ себя не показавшій ⁴⁸⁾, главная же причина заключалась въ желаніи успокоить Свидригайла, привлечь его на свою сторону, такъ какъ онъ былъ особенно опасенъ вслѣдствіе расположенія къ нему русскихъ и литовцевъ ⁴⁹⁾.

Достигнувъ главной цѣли своихъ желаній, Свидригайло, казалось, долженъ бы былъ успокоиться, сдѣлаться мягче и оставить вражду и ненависть, но слишкомъ много потерпѣвшій съ 1392 г. и теперь увѣренный въ своихъ силахъ, онъ

⁴⁷⁾ Длугошъ подъ 1411 г.

⁴⁸⁾ Длуг. подъ 1430 г.

⁴⁹⁾ *ibidem*.

думалъ только о мщеніи. «Ты, король, говорилъ онъ Ягеллу, и Витовтъ 9 лѣтъ держали меня въ цѣпяхъ и темницѣ, теперь пришло мое время и я могу отплатить тебѣ тѣмъ же» ⁵⁰⁾. Нося Ягелла бранными словами, онъ угрожалъ смертью польскимъ вельможамъ, его окружавшимъ, прервалъ всякія сношенія ихъ съ Польшею и даже распечатывалъ королевскія письма. Его гнѣвъ еще болѣе усилился, когда было получено извѣстіе о занятіи поляками нѣкоторыхъ укрѣпленій Подоліи. Съ бранью вбѣжалъ онъ въ королевскую спальню и даже нанесъ ему личное оскорбленіе ⁵¹⁾; польскіе вельможи, окружавшіе короля, задумали тайно умертвить Свидригайла, но король, гнушаясь братоубійствомъ, рѣшился уступить и отправилъ повелѣніе подольскому старостѣ, Михаилу Бучацкому передать захваченные у литовцевъ замки представителю Свидригайла, Михаилу Бабѣ, Русину. Тарло Заклика изъ Щекарзовицъ повезъ это повелѣніе. Обрадованный Свидригайло щедро одарилъ короля за его распоряженіе, но польскіе паны, только что освободившіеся отъ опасности испытать на себѣ гнѣвъ Свидригайла, тѣмъ не менѣе рѣшились разстроить только что устроенное имъ дѣло освобожденія Подоліи. Они написали къ Бучацкому письмо, въ которомъ просили не исполнять королевскаго приказанія, даннаго не по доброй волѣ, письмо это задръпили въ восковой свѣчѣ и, вручивъ ее одному изъ свиты Тарла, просили передать Бучацкому съ словами, что если онъ не хочетъ ошибиться, то пускай ищетъ совѣта въ воскѣ. Все устроилось по желанію пановъ: Тарло и Михаилъ Баба были посажены подъ стражу, а Подолія или лучше часть ея попрежнему осталась

⁵⁰⁾ Ягелло, пріѣхавшій въ Вильно, на погребеніе Витовта, съ малою свитою, былъ въ полной власти Свидригайла.

⁵¹⁾ *Pomn. do dz. Lit.* стр. 45.

въ рукахъ польскаго старосты ⁵²⁾). Между тѣмъ Свидригайло, имѣя полное основаніе думать, что желаніе его исполнено, освободилъ короля, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получалъ настоятельныя требованія объ этомъ освобожденіи (отъ папы, императора Сигизмунда и др.). Приѣхавъ въ Польшу, Ягелло тотчасъ же собралъ сеймъ въ Сендомирѣ и жаловался на нанесенныя ему оскорбленія; сюда же сообщили изъ Подолія, что Свидригайло уже завладѣлъ нѣкоторыми замками и теперь осаждаеть Смотричъ, вслѣдъ за тѣмъ новое извѣстіе: Свидригайло на Волыни и оттуда нападаетъ на червонную Русь. Король обратился къ нему съ увѣщаніями и даже просьбами и, когда попытка его не имѣла ни малѣйшаго успѣха, сеймъ отправилъ къ нему торжественное посольство, которое должно было представить ему слѣдующія требованія: возвращенія Луцка и луцкой земли, составлявшей, по мнѣнію сейма, собственность короны, возвращенія занятыхъ замковъ Подолія и обязательства никогда не тревожить этой земли, находившейся еще во владѣніи древнихъ королей Польши и наконецъ свиданія, какъ для примиренія съ королемъ, такъ и для устройства Литвы вообще ⁵³⁾). Свидригайло отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Явился второй посолъ, нотаріусъ короля, Іоаннъ Лютекъ съ тѣми же требованіями и, кромѣ отказа, получилъ пощечину. Тогда сеймъ рѣшился на войну и самъ король повелъ войско къ Луцку. Походъ этотъ, какъ мы видѣли, не имѣлъ успѣха, вслѣдствіе тайнаго доброжелательства короля къ Свидригайлу и вслѣдствіе особенной привязанности, которую онъ питалъ къ землямъ русско-

⁵²⁾ Длугошъ подъ 1430 г.

⁵³⁾ Длугошъ подъ 1431; онъ сообщаетъ еще совтѣтъ, который посольство должно было дать Свидригайлу, именно, чтобы онъ просилъ себя достоинства великаго князя литовскаго; но тотъ же Длугошъ нѣсколько ранѣе говоритъ, что это достоинство было даровано Свидригайлу самимъ королемъ см. подъ 1430.

литовскимъ, своей родиной и своему наследственному, родовому княжеству; съ другой стороны неуспѣхъ поляковъ объясняется тѣмъ энергическимъ содѣйствіемъ, которое оказали Свидригайлу литовцы и особенно русскіе. По предложенію Свидригайла было заключено перемиріе съ условіемъ собраться въ Парчовѣ для обсужденія спорнаго вопроса; событія немедленно показали, могло ли простое разсужденіе рѣшить вопросъ, когда въ рѣшеніи его приняло участіе насиліе: насиліе вызываетъ насиліе, и лишь только отступило королевское войско русскіе — обратили въ пепелъ бывшіе въ Луцкой области костелы и истребили запоздавшіе польскіе отряды. Естественно, что съѣздъ въ Парчовѣ не состоялся, Свидригайло не приѣхалъ, и тогда паны польскіе, какъ намъ уже извѣстно, прибѣгли къ другимъ мѣрамъ: вслѣдствіе ихъ происковъ въ Литвѣ образовались партіи, — собственно литовцы, населяющіе Вильно, Троки, Гродно и т. д. признали великимъ княземъ Сигизмунда Кейстutowича, русскія же области остались вѣрными Свидригайлу. Интересъ религіозный помогъ въ этомъ случаѣ ухищреніямъ польской рады.

Обязанный полякамъ своимъ престоломъ, Сигизмундъ съ почетомъ встрѣтилъ польскихъ сенаторовъ, принесшихъ ему утвержденіе въ достоинствѣ великаго князя и далъ имъ торжественное обѣщаніе на словахъ и бумагахъ возвратить царству Подолію, данную Витовту только въ пожизненное владѣніе ⁵⁴⁾). Сигизмунду, никогда не рассчитывавшему на такое выгодное положеніе, разумѣется не было дѣла до тѣхъ выраженій, въ которыхъ требовали отъ него изложенія обѣщаній; человѣкъ безъ содержанія, безъ рѣзко опредѣленнаго характера, онъ не былъ похожъ нива Витовта, который, отличался громаднымъ честолюбіемъ, имъ однимъ побуждался къ

⁵⁴⁾ Длугошъ подъ 1432.

образованію могущественнаго и независимаго государства и потому такъ настойчиво отвергалъ всѣ притязанія поляковъ на русско-литовскія области, — ни на Свидригайла, который и по религіи и по особенной привязанности къ русской національности долженъ былъ сдѣлаться заклятымъ врагомъ Польши, такъ какъ послѣдняя покушалась на русскую народность; Сигизмундъ былъ просто незначительная личность, никогда не мечтавшая о высокомъ положеніи великаго князя, человѣкъ, о которомъ и поляки, ему покровительствовавшіе, отзывались съ пренебреженіемъ ⁵⁵⁾. Интригами польскихъ пановъ достигшій литовскаго престола, онъ не имѣлъ ничего общаго ни съ Литвою, ни съ Русью и потому охотно уступалъ часть своего государства, тѣмъ болѣе, что этими уступками онъ покупалъ средства, съ помощію которыхъ могъ обезпечить себѣ спокойное обладаніе остальнымъ. Но Русь конечно не могла быть столь равнодушною къ своей участи и сама выставила отпоръ завоевательной дѣятельности поляковъ. Князь острожскій Федоръ (Федько), за отсутствіемъ Свидригайла, сталъ на стражѣ самостоятельности земли русской, онъ собралъ разнообразное войско изъ литовцевъ, волоховъ, татаръ и русскихъ и, оберегая замки, принадлежавшіе Свидригайлу, постоянно нападалъ на города, занятые короннымъ войскомъ и нѣкоторыми успѣлъ завладѣть. Противъ Федора было отправлено коронное войско, гораздо многочисленнѣе и обученнѣе его сбродной шайки, сражаться съ нимъ правильно было невозможно для острожскаго князя и потому онъ повелъ партизанскую войну. Поляки снова отобрали почти всѣ подольскіе замки и хотя Федоръ успѣлъ однажды поставить ихъ въ весьма опасное

⁵⁵⁾ См. отзывъ Длугошъ подъ 1430 г.

положеніе, но поляки счастливо избѣгли опасности ⁵⁶⁾ и съ побѣдой воротились домой. Всѣ подольскіе замки были завоеваны поляками, за исключеніемъ Брацлава, разрушеннаго самимъ Федоромъ Острожскимъ, который не думалъ прекращать войны и по временамъ имѣлъ успѣхъ; такъ онъ захватилъ главный подольскій городъ Каменецъ и взялъ въ плѣнъ польскаго старосту, Михаила Бучацкаго.

Вопросъ о Подоліи не былъ еще рѣшенъ, когда, въ Маѣ 1434 г., умеръ Ягелло и мѣсто его занялъ Владиславъ II Ягеллоновичъ, который рѣшился дѣйствовать инымъ оружіемъ на населеніе спорной области; на самомъ коронаціонномъ сеймѣ онъ выдалъ привилегію, по которой бароны, благородные и всѣ населяющіе Подолію и Русь сравнены были въ правахъ съ остальною шляхтою польскою ⁵⁷⁾. Въ 1440 г. былъ убитъ Сигизмундъ Кейстutowичъ княземъ Чарторыйскимъ и тогда дѣла литовскорусскія измѣнились къ лучшему. Рада польская рѣшилась извлечь всѣ возможныя выгоды изъ упомянутаго обстоятельства: королевичъ Казиміръ долженъ былъ отправиться въ Литву, чтобы управлять ею не въ качествѣ самостоятельнаго государя, но въ качествѣ королевскаго намѣстника ⁵⁸⁾. Литовцы напротивъ должны были стремиться къ совершенно иному и вотъ послы ихъ, пріѣхавшіе за Казиміромъ, пользуются страстью его къ охотѣ, чтобы привлечь

⁵⁶⁾ Длугошъ подъ 1432 и Стрыйковскій II, 187.

⁵⁷⁾ Длугошъ подъ 1434 г. см. также Стрыйковскаго II, 193. Свидѣтельство Длугоша слишкомъ подробно и, какъ показаніе современника, едва ли можетъ быть отвергнуто, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ ему не было ни малѣйшаго основанія ложно представить дѣло съ другой стороны мы знаемъ, что привилегія Казиміра Ягеллоновича, выданная 20 лѣтъ поздне (1455) сообщаетъ русскимъ не столь обширныя права, изъ чего заключаемъ, что пожалованіе Владислава II не имѣло дѣйствительнаго значенія и осталось только на бумагѣ. Вѣроятно это объясняется неудовольствіемъ, съ которымъ польскіе наемъ приняли эту привилегію Владислава. См. Длугоша подъ 1434 г.

⁵⁸⁾ Длугошъ подъ 1439 г.

его на свою сторону въ предстоящихъ несогласіяхъ съ Польшею; они столько насаждали ему о дремучихъ лѣсахъ Литвы, о турахъ, зубрахъ и другихъ животныхъ, которыя тамъ водятся, что Казиміръ желалъ, какъ можно скорѣе, выѣхать изъ Польши. Не знаемъ, что могло замедлить его отъѣздъ, но, если вѣрить извѣстію литовскаго лѣтописца, онъ тайно безъ вѣдома поляковъ, спустился изъ окна сендомірскаго замка и, съ помощью двухъ пановъ литовскихъ, уѣхалъ въ Брестъ, гдѣ рада литовская объявила его великимъ княземъ⁵⁹⁾. Не такъ описываетъ отъѣздъ Казиміра Длугошъ: въ пышномъ одѣяніи, сопровождаемый тремя мазовецкими князьями, многими панами польскими и 2,000 солдатъ отправился, по его словамъ, королевичъ въ Вильно, гдѣ однажды, рано утромъ, когда паны польскіе еще спали, Казиміръ былъ провозглашенъ великимъ княземъ.

Весьма естественно, что великій князь, еще очень молодой, постоянно окруженный литовцами, полюбилъ свое государство и сдѣлался ревностнымъ защитникомъ его интересовъ; изъ этого легко объясняется появившаяся въ немъ холодность къ Польшѣ, которая лучше всего выразилась въ 1445 г. Сеймъ, созванный въ этомъ году въ Серадзѣ, на основаніи разнесшагося слуха о смерти короля Владислава, избралъ преемникомъ ему Казиміра; депутація, назначенная для сообщенія Казиміру о его избраніи, къ величайшему своему удивленію, вмѣсто выраженной радости и благодарности, получила сухой отвѣтъ, что великій князь объявитъ свое рѣшеніе на слѣдующемъ коронномъ сеймѣ. На этотъ сеймъ, собравшійся въ Піотрковѣ, дѣйствительно явились литовскіе послы, но только для того, чтобъ объявить избраніе Казиміра преждевременнымъ и какъ бы поучить поляковъ, что

⁵⁹⁾ Pomn. do dz. Lit. str. 51.

предварительно нужно было собрать болѣе точныя свѣдѣнія о смерти короля Владислава. Удивленный сеймъ постановилъ выслать новое, болѣе торжественное посольство, которое раскрыло бы причины, вслѣдствіе которыхъ великій князь такъ пренебрегалъ короной польской. Значеніе пословъ, которыми были епископы, краковскій и куявскій, трое воеводъ, львовскій, брестскій и познанскій и наконецъ вдовствующая королева Софья, — это значеніе не произвело почти никакого вліянія. Конечно молодой Казиміръ былъ не прочь отъ занятія королевскаго престола, но рада литовская, овладѣвшая его волею, сама еще не рѣшила, какъ поступить ей. Многие говорили противъ и многое за принятіе короны: такъ литовскіе чины опасались, чтобы въ случаѣ избранія Казиміра, ихъ княземъ не былъ Михаилъ, сынъ умерщвленнаго ими Сигизмунда, который конечно не оставитъ смерти отца безъ отмщенія, опасались чтобы Литва не обратилась бы мало по малу въ провинцію Польши, если ея великій князь будетъ въ то же время королемъ польскимъ; съ другой стороны они видѣли ясно, что Казиміръ не могъ допустить избранія на престолъ польскій кого либо другаго и въ такомъ случаѣ война между Литвою и Польшею неизбежна. Все это было причиною нерѣшительныхъ, неясныхъ отвѣтовъ, которые чины литовскіе давали посламъ, тогда какъ послѣдніе требовали окончательнаго рѣшенія и, не получая его, думали уже о разрывѣ. Тутъ въ дѣло вступилась вдовствующая королева, и, благодаря ея вмѣшательству, остановились на томъ, что Казиміръ созоветъ сеймъ изъ земель русскихъ, литовской и жмудской и передастъ ихъ рѣшеніе ближайшему коронному сейму. На этотъ сеймъ въ Піотрковѣ, явились, какъ бы въ противоположность численности польскихъ пословъ, только 3 боярина и 2 русскихъ князя; они начали съ объявленія,

что государь ихъ владѣеть Литвою по праву наслѣдства, что государство его столь славно и могущественно, что одно удовлетворяетъ его честолюбіе, затѣмъ открыто упрекали сеймъ въ непристойной поспѣшности, съ которою онъ приступилъ къ избранію новаго короля, не выѣя положительныхъ свѣдѣній о смерти Владислава II, предлагали еще отложить избраніе и окончили заявленіемъ, что Казиміръ не потерпитъ, чтобы кто либо былъ избранъ безъ его соизволенія. Негодованіе, которое было произведено словами литовскихъ пословъ, было такъ сильно, что сейчасъ же было сдѣлано постановленіе разсматривать ихъ, какъ формальный отказъ Казиміра отъ польской короны и немедленно приступитъ къ новому избранію. Но это было только первымъ движеніемъ; всѣ хорошо понимали, что разорвать съ Казиміромъ значило разорвать съ Литвою, что, конечно, не было намѣреніемъ ни одного поляка, засѣдавшаго на сеймѣ. Съ другой стороны стали носиться слухи, что Владиславъ II живъ, что конечно должно было увеличить число противниковъ избранія и такъ постановили снова отсрочить сеймъ, а между тѣмъ еще разъ послать къ Казиміру уже не съ просьбою, а съ рѣшительнымъ вопросомъ о его намѣреніяхъ. Послами были Конецпольскій, сендомирскій и Шарлей, инобрацлавскій кастеляны. Ставъ предъ великимъ княземъ, они смѣло обратилсь къ нему съ совѣтомъ послушать наконецъ голоса разсудка, изложили пагубныя послѣдствія его отказа и угрожали, что избранный помимо его король дастъ ему почувствовать свое могущество. Казиміръ, нисколько не уstraшенный, отвѣчалъ попрежнему, что не принимаетъ престола, потому что не увѣренъ въ смерти брата и прибавилъ, что будетъ считать своимъ врагомъ всякаго, кто будетъ избранъ безъ его согласія. Между тѣмъ чины литовскіе поняли, что рано или поздно Казиміръ

приметъ корону и рѣшились дать свое согласіе на наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ: они постановили требовать возвращенія всей подольской земли. Это рѣшеніе ихъ не могло еще быть извѣстно коронному сейму, который въ назначенное время собрался въ Піотрковѣ. Извѣстившись отъ пословъ своихъ объ отвѣтѣ Казиміра, сеймъ увидѣлъ, что пренебреженіе къ коронѣ польской дошло до крайней степени. Но что особенно удивляетъ насъ, поляки обыкновенно, столь ревниво берегущіе свое достоинство, не пришли ни къ какому рѣшительному постановленію, особенная рѣзкость котораго могла бы быть объяснена раздраженіемъ. Недостаточно объяснять это однимъ желаніемъ сохранить союзъ съ Литвою; болѣе достаточное объясненіе скрывается въ частныхъ, корыстныхъ интересахъ: Король Владиславъ Ягелло роздалъ многимъ магнатамъ коронныя имѣнія и какъ владѣніе ими было незаконно, то новый король конечно отобралъ бы ихъ. Вотъ почему панамъ этимъ важно было видѣть на престолѣ Казиміра, который, изъ уваженія къ памяти отца, безъ сомнѣнія не нарушилъ бы его распоряженій. Вліяніе этихъ людей было такъ сильно, что сеймъ, стремясь сохранить свое достоинство и не желая разрывать съ Казиміромъ, пришелъ къ довольно странному рѣшенію: онъ приступилъ къ избранію и избралъ Болеслава мазовецкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ Казиміру еще нѣсколько времени подумать, объявляя, что лишь только пройдетъ этотъ послѣдній срокъ, новоизбранный король немедленно будетъ объявленъ. Партія, владѣвшая коронными имѣніями и побудившая сеймъ къ такому рѣшенію, отправила Петра Куровскаго, кастеляна санецкаго объявить объ немъ Казиміру, но Казиміръ уже зналъ все отъ одного изъ дворянъ своихъ, который тайно присутствовалъ на сеймѣ. Извѣстіе

это произвело въ Литвѣ весьма непріятное впечатлѣніе. Михаилъ Свигизмундовичъ былъ близкимъ родственникомъ Болеслава мазовецкаго и жилъ у него постоянно, теперь онъ неупуститъ случая отмстить за смерть отца. Въ свою очередь Казиміръ увидѣлъ возможность лишиться отцовской короны и потому, лишь только Куровскій сообщилъ ему о рѣшеніи сейма, великій князь тотчасъ же изъявилъ свое согласіе на принятіе короны. Въ непродолжительномъ времени собрался генеральный сеймъ въ Парчовѣ, который пригласилъ самаго Казиміра. Казиміръ, желая сохранить свое достоинство и не довѣряя еще полякамъ, остановился на половинѣ дороги и пригласилъ сеймъ къ себѣ. Сеймъ выслалъ депутацію, поручивъ ей предложить Казиміру корону и не уполномочивъ ее входить въ какіе бы то ни было переговоры, касающіеся частныхъ. Тогда то выступила рада литовская съ своими требованіями относительно Подоліи. Казиміръ поддерживалъ это требованіе и объявилъ что, въ случаѣ не исполненія его, готовъ отречься отъ короны. Тогда шесть членовъ депутаціи, помня порученія сейма, хотѣли просто разорвать съ Казиміромъ и отправиться къ Болеславу Мазовецкому, но оказалось, что большинство членовъ депутаціи владѣло коронными имѣніями и потому очень желало видѣть Казиміра на престолѣ. Эти господа шепнули Казиміру, чтобы онъ соглашался на все и что будучи королемъ онъ можетъ поступить относительно Подоліи, какъ будетъ ему угодно ⁶⁰⁾. Они даже обѣщались помогать Казиміру. Тогда великій князь согласился и въ слѣдующемъ 1447 г. былъ торжественно коронованъ.

Новоизбранный король дѣйствительно думалъ, что можетъ по своему усмотрѣнію распорядиться Подоліей и дру-

⁶⁰⁾ Длугошъ 1445—46 г.

гими русскими областями. Ему не казалось страннымъ, что литовцы, какъ бы въ поручительство даннаго имъ обѣщанія, заняли нѣсколько подольскихъ замковъ и когда подольскій староста Федоръ Бучацкій отобралъ ихъ, король такъ на него разгнѣвался, что нужно было вмѣшательство цѣлаго сейма, чтобы его успокоить. На этомъ же сеймѣ, который былъ первымъ по коронаціи, требовали отъ Казиміра, чтобы онъ подтвердилъ права и привилегіи, данныя его предшественниками и обязался русскія земли, а конечно и подольскую отъ короны не отдѣлять. Король съ твердостью отказался сказавъ, что этимъ онъ нарушитъ присягу, данную литовцамъ ⁶¹⁾. Такіе же отвѣты давалъ король на сеймахъ 1449 и 1451 годовъ и только въ 1453 твердость ему измѣнила.

Генеральный сеймъ этого года, собравшійся въ Піотрковѣ, получивъ отказъ на свои требованія, единогласно постановилъ обезпечить себѣ взаимное ручательство въ защитѣ своихъ правъ и вольностей, въ неприкосновенности границъ, съ условіемъ преслѣдованія всѣхъ безъ изъятія, кто бы осмѣлился нарушить эти права или возмутить общественное спокойствіе, далѣе образовать при королѣ постоянный совѣтъ, безъ согласія котораго онъ не имѣлъ права что либо сдѣлать и вмѣстѣ съ тѣмъ удалить изъ предѣловъ царства всѣхъ литовцевъ. Тогда же было представлено королю, что сеймъ очень желаетъ передачи достоинства великаго князя литовскаго кому либо другому. Подобныя постановленія были столь грозны, рѣшимость сейма столь тверда, что король наконецъ согласился и произнесъ присягу, которой отъ него требовали ⁶²⁾.

Понятно, что все это время (1447—53) было полно

⁶¹⁾ Длугошъ 1447 г.

⁶²⁾ Длугошъ 1445 г.

тревоги для чиновъ литовскихъ, они предвидѣли, что рано или поздно король долженъ будетъ согласиться на требованія, представляемыя ему каждымъ сеймомъ и потому искали средствъ, какъ бы удержать за собою то, что имъ давало общаніе Казимира предъ вступленіемъ на тронъ польскій, именно Подолію; для этого собирались они въ Вильно въ 1451, но не пришли ни къ какому результату, несмотря на то, что вмѣстѣ съ литовскою радюю думалъ и совѣщался самъ Казимиръ; не рассчитывая болѣе на Казимира, они даже сносились съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ, наконецъ они входили въ безконечные споры съ поляками на генеральныхъ сеймахъ, на которыхъ, между прочимъ, требовали измѣненія въ редакціи городельскаго акта. Въ самомъ дѣлѣ этотъ актъ, возмѣщающій соединеніе земель литовско-русскихъ съ Польшею, не только отъ имени Владислава Ягелловича и Витовта, но и отъ имени всѣхъ князей, вельможъ, бояръ и вообще всѣхъ благородныхъ (см. 1-е примѣч.), былъ историческою несправедливостью. Извѣстно, что даже не всѣ братья Ягелла согласились на это соединеніе, еще болѣе противниковъ уніи было между вельможами и боярами, такъ какъ весьма многіе изъ нихъ остались вѣрны православію, а къ городельскому акту и даруемымъ имъ привилегіямъ приступили только литовцы, католики. Понятно теперь, что рада литовская, болѣе уже имѣвшая вліянія, чѣмъ во времена Ягелла, считала этотъ актъ оскорбительнымъ и требовала уничтоженія въ немъ словъ: «*terras Lithuaniae et caet. univimus, incorporavimus, appropriavimus*» и пр. справедливо находя, что подобныя выраженія, какъ бы указываютъ на меньшее, даже подчиненное значеніе Литвы, по отношенію къ Польшѣ. Къ этому обыкновенно присоединялось требованіе Подоліи и части Волыни. Поляки находили возможнымъ устранить всѣ

неудовольствія, сливъ литовско-русскія области съ Польшею, уничтоживъ самое названіе великаго княжества и распространивъ права и привилегіи царства на все населеніе имѣющаго образоваться единаго государства; они конечно встрѣчали отказъ, причемъ литовцы выражали однакожъ желаніе оставаться въ союзѣ съ Польшею до прекращенія династїи Ягеллоновъ. Впродолженіи этихъ споровъ, поляки имѣли опору только въ актѣ городельскомъ и еще въ договорѣ, заключенномъ между королемъ Владиславомъ и Сигизмундомъ Кейстutowичемъ. Объяснивъ почему литвины возставали противъ городельскаго акта, мы понимаемъ почему они придавали такъ мало значенія договору Сигизмунда; государь партїи, посаженный на престолъ поляками, ненавидимый болѣею частію литовцевъ и совсѣмъ не признанный русскими, имѣлъ ли онъ право написать свой договоръ съ Ягелломъ отъ имени всѣхъ прелатовъ, князей, бояръ и благородныхъ «*terrarum Lithuaniae et Russiae?*» Вотъ почему литовцы оспаривали два эти документа, составлявшіе единственную опору поляковъ.

Намъ неизвѣстны въ подробности доказательства, приводимыя литовцами, потому что единственный источникъ описываемаго спора есть Длугошъ; вѣрный своему ложному патриотизму, а не обязанностямъ историка, онъ молчитъ о томъ, что говорили литовцы и широко распространяется въ описаніи доказательствъ, приводимыхъ поляками. Но его усердіе на этотъ разъ было не кстаті: въ словахъ поляковъ столько противурѣчій, что доказательства ихъ не имѣютъ никакого внутренняго достоинства. Совершенно игнорируя побѣду Ольгерда при Синихъ Водахъ и дѣятельность Коріатовичей, они говорятъ, что Подолія была завоевана поляками еще въ тѣ времена, когда и самое имя Литвы не было из-

вѣстно ⁶³⁾, въ другомъ мѣстѣ они же утверждаютъ, что Подолія была завоевана Казиміромъ, отнявшимъ ее у татаръ ⁶⁴⁾ и т. д. Наскучивъ споромъ коронные послы предлагали литовцамъ обратиться къ третейскому суду императора или папы. Понятно, что это предложеніе должно было только раздражить литовцевъ; главы и представители католицизма конечно взяли бы сторону не литовцевъ и русскихъ, исповѣдывавшихъ православіе и предлагая ихъ въ судьи, поляки заранѣе могли быть увѣрены въ благопріятномъ для себя рѣшеніи. Раздраженіе литовцевъ слышно въ ихъ нѣсколько насмѣшливомъ отвѣтѣ: «ужь если долженъ быть судъ, говорили они, то пусть третейскимъ судьей будетъ ханъ татарскій ⁶⁵⁾».

Не довольствуясь оружіемъ слова, поляки, если вѣрить извѣстію литовскаго лѣтописца ⁶⁶⁾ покушались даже путемъ насилія принудить литовцевъ къ соглашенію съ ними. Литовцы счастливо избѣжали грозившей имъ опасности, но понятно, что это не могло повести за собою дружескихъ отношеній между обоими государствами; знатнѣйшіе изъ литовцевъ отослали даже въ Польшу свои гербы, заимствованные у поляковъ на городельскомъ сеймѣ и стали употреблять свои старые. Замѣчательно, что лѣтописецъ рассказывая объ этомъ умыслѣ поляковъ, не смотритъ на него, какъ на нѣчто новое, не бывалое; по его словамъ поляки тѣмъ же путемъ насилія захватили русскихъ паповъ изъ перемышльской области и Перемышль присоединили къ коронѣ. Обоядное раздраженіе, какъ видно, доходило до крайней степени,

⁶³⁾ Длуг. подъ 1451.

⁶⁴⁾ Длуг. подъ 1448.

⁶⁵⁾ Длуг. подъ 1453.

⁶⁶⁾ Romm. do dz. Lit. 57 стр.

но войны не было, обѣ стороны очевидно ее не желали или быть можетъ не были въ состояніи вести ее ⁶⁷⁾. Большая часть Подолія оставалась въ рукахъ поляковъ, но Брацлавъ не принадлежалъ имъ: по свидѣтельству Длугоша ⁶⁸⁾, онъ находился въ рукахъ Михаила Чарторыйскаго, котораго тотъ же лѣтописецъ называетъ Русиниомъ.

Казиміръ Ягеллоновичъ очевидно расположенный къ Литвѣ, пришелъ къ мысли о постепенномъ сліянїи обоихъ народовъ чрезъ дарованіе имъ одинаковыхъ правъ, учреждений, одного и того же политическаго естества. Его жалованная грамота 1457 и судебникъ 1468 положили ⁶⁹⁾ начало этой новой политики. Трудно конечно рѣшить, что вышло бы изъ такого образа дѣйствій; трудно утверждать, что дѣйствительно произошло бы слитіе, такъ какъ много было различнаго въ быту русскомъ и польскомъ, трудно дать и отрицательный отвѣтъ, если взять въ соображеніе слишкомъ большой періодъ времени. Во всякомъ случаѣ и прежде всего требовалась не измѣняемость политики и неуклонное стремленіе къ предположенной цѣли, но что же видимъ въ послѣдующія царствованія? Великій князь Александръ, также желавшій этого слитія, думалъ достигнуть его уже другими мѣрами, онъ, какъ извѣстно, гналъ православіе, чѣмъ заставилъ многихъ русскихъ князей не только не думать о соединеніи съ Польшею въ одно нераздѣльное цѣлое, но съ своими удѣлами совсѣмъ отдѣлиться отъ польско-литовскаго государства и составить одно тѣло съ Великою-Русью.

⁶⁷⁾ Польша вела трудную войну съ орденомъ, Литва же, угрожаемая съ Востока Москвою и татарами, къ тому же не была согласна внутри: Гаштольдъ, воевода виленскій хотѣлъ провозгласить великимъ княземъ своего зятя, кievскаго князя, Симеона Одельковича, а Монвидъ, воевода троцкій противился ему и защищалъ права Казиміра (Длугошъ подъ 1456 и Стрыйков. II, 250, 259).

⁶⁸⁾ Дл. подъ 1463.

⁶⁹⁾ см. А. З. Р. I., 75 и 80.

Такимъ образомъ весьма естественно, что дальнѣйшая дѣятельность чиновъ литовскихъ носитъ характеръ сепаративный: такъ литовско-русское дворянство ревностно заботилось о точномъ опредѣленіи границъ между Польшею и великимъ княжествомъ литовскимъ; просьбы объ этомъ оно подавало на виленскомъ сеймѣ въ 1547, 51 и 54 год., такія же просьбы особо подавало дворянство волынское въ 1551 и 54 годахъ, жалуясь на разбои, убійства и грабежи, претерпѣваемые пограничными владѣльцами отъ поляковъ ⁷⁰⁾. Изъ того же источника происходило упорство, съ которымъ литовско-русское дворянство не желало предоставить полякамъ какихъ бы то ни было должностей въ литовско-русскихъ областяхъ или позволить имъ имѣть тамъ поземельную собственность. Право литовско-русскаго дворянства на всѣ безъ исключенія должности въ Литвѣ, закрѣпленное Статутомъ литовскимъ (1529 г. Разд. III, арт. 3), вѣроятно нарушалось не разъ, потому что въ противномъ случаѣ не было бы основанія этому дворянству подавать объ этомъ просьбы на брестскомъ сеймѣ въ 1544 и на виленскомъ въ 1547 г. Даже польскіе паны, сопровождавшіе короля въ его поѣздкахъ въ Литву и южную Россію, должны были останавливаться на границѣ, а если въѣзжали съ королемъ въ предѣлы великаго княжества литовскаго, то считались чужеземными гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ общественныя дѣла. При королѣ оставались только придворные чины, необходимые для личныхъ его услугъ ⁷¹⁾. Изъ права имѣть поземельную собственность въ Литвѣ и югозападной Россіи изъяты были на равнѣ съ другими чужеземцами и поляки ⁷²⁾;

⁷⁰⁾ А. З. Р. III, 19, 42, 46.

⁷¹⁾ А. З. Р. III, 13.

⁷²⁾ А. З. Р. III, 53.

послѣдніе находили однако возможнымъ обходить это изъятіе и разными средствами, какъ напр. брачными союзами, прибрѣтали себѣ владѣнія на Руси. Эти частные случаи не проходили не замѣченными со стороны русскихъ, которые употребляли энергическія мѣры для изгнанія польскихъ собственниковъ изъ русскихъ земель. Такъ волынское дворянство на виленскомъ сеймѣ въ 1554 г. жаловалось королю, что нѣкоторые польскіе паны, женившись на дворянкахъ земли волынской и живя въ имѣніяхъ своихъ женъ, обижаютъ мѣстныхъ дворянъ. Желая не только лишить поляковъ права прибрѣтать поземельную собственность на Волини, но и устранить ихъ отъ владѣнія и пользованія имѣніями, дворянство волынское просило короля, чтобы дозволено было ближайшимъ родственникамъ выкупать имѣнія дворянокъ, вышедшихъ замужъ за поляковъ. Король приказалъ въ этомъ случаѣ руководствоваться законами о чужеземцахъ, постановленными для всего великаго княжества литовскаго ⁷³⁾. Право прибрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и югозападной Россіи было предоставлено полякамъ только въ 1564 на варшавскомъ сеймѣ ⁷⁴⁾. Въ 1526 г. боязнь сліянія съ Польшею и желаніе самостоятельнаго существованія заставило дворянъ литовскихъ просить короля Сигизмунда I, чтобы онъ короновалъ своего сына литовскою короною, и возведя такимъ образомъ литовское государство на степень королевства, сдѣлалъ бы сліяніе его съ Польшею невозможнымъ, потому что одна корона въ составъ другой короны войти не можетъ ⁷⁵⁾.

⁷³⁾ А. З. Р. IV, 66.

⁷⁴⁾ Voll. leg. II, 32.

⁷⁵⁾ А. З. Р. II, 175. см. также архивъ югозападной Россіи, часть II, томъ I, статья г. Иванникова.

Еще болѣе высказывалась эта любовь къ самостоятельности, эта ненависть къ слянію съ Польшею въ тѣхъ требованіяхъ литовцевъ, въ слѣдствіе которыхъ великіе князья литовскіе при самомъ вступленіи своемъ на тронъ должны были давать обѣщаніе беречь самостоятельность Литвы и цѣлость ея владѣній, таковы обѣщанія Казимира въ 1442, Александра въ 1492 и Сигизмунда I въ 1529. Въ этомъ случаѣ литовцы дѣйствовали, подражая полякамъ; какъ тѣ въ подтвержденіе своихъ притязаній приводили письменные акты вродѣ городельскаго или договора съ Сигизмундомъ Кей-стутомъ, такъ и литовцы могли теперь опереться на письменныя обѣщанія своихъ государей не допускать нарушенія цѣлости и самостоятельности Литвы. Самая непріятная, даже недостойная роль выпадала тутъ на долю самого государя; эти великіе князья литовскіе, сдѣлавшись королями польскими, давали торжественныя обѣщанія слить Литву съ короною и такимъ образомъ сами нарушали свое слово. Отъ этого нарушенія Литовцы не проигрывали нисколько, такъ какъ у нихъ оставались упомянутые акты въ полной силѣ. Дѣйствуя все съ болѣею рѣшительностію, литовцы потребовали наконецъ у великаго князя Александра уничтоженія всѣхъ актовъ, закрѣпившихъ слитіе Литвы съ Польшею; акты эти дѣйствительно были признаны княземъ и литовскимъ сеймомъ необязательными и уничтоженными. Тогда вполнѣ была обезпечена внутренняя отдѣльность Литвы отъ Польши. Литва прервала всѣ отношенія свои къ Польшѣ ⁷⁶⁾. Александръ, сдѣлавшись королемъ польскимъ, далъ обѣщаніе слить Литву

⁷⁶⁾ Zrzodlopisma do unij Lubelsk. изд. Дзяльнскаго, см. День за 1861 г. № 11, стр. 8. •Pszez to wszystkich przywyleje de incorporatione, subjectione et devolutione ad Regem et Regnum, jako nigdy effectu swego nie miaey takjuz ustalę tamze.

съ Польшею, причемъ нѣкоторые литовцы силою принуждены было подписать этотъ актъ (см. День 1861 г., № 11 стр. 8—9). Это обстоятельство можетъ объяснить намъ отчасти и люблинскую унію: если была возможность при Александрѣ принудить къ чему ни будь литовцевъ, то тѣмъ болѣе можно было это сдѣлать при Сигизмундѣ II Августѣ.

Таковъ былъ характеръ спора между Литвою и Польшею. Польша стремилась поглотить Литву и соединенныя съ нею русскія области, Литва отстаивала свою и ихъ самостоятельность. Намѣреніе свое относительно Литвы Польша высказала еще при Ягеллѣ (см. 1-е прим.), но скоро увидѣвъ холодность, съ которою литовцы приняли привилегіи, дарованныя имъ по городельскому акту, она оставила Литву на время въ покоѣ. Тѣмъ съ болѣею энергіей стала она достигать своей старой цѣли т. е. присоединенія русскихъ земель, подчиненныхъ литовскому государству. Мы показали, какъ мало разборчивы были поляки въ выборѣ средствъ для достиженія этой цѣли, мы показали, съ какимъ цинизмомъ извращали они историческую истину, усиливаясь доказать права свои на русскія земли и мы видѣли какъ слабы и недостаточны были эти доказательства. Литовцы безъ труда успѣвали ихъ разбивать; но къ несчастію Литвы внѣшнія отношенія ея въ XVI вѣкѣ начали измѣняться къ худшему: Москва, Татары, а за ними и Турки начали угрожать ея независимости, и хотя Польша, по смыслу союза ея съ Литвою, должна была помогать послѣдней, но она заблагоразсудила воспользоваться труднымъ положеніемъ своей союзницы, чтобы прежній династическій и политическій союзъ обратить въ полное и окончательное слитіе. Съ такимъ настроеніемъ сѣвѣжались польскіе паны на люблинскій сеймъ въ Декабрѣ

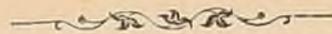
1568 г. ⁷⁶⁾, съѣзжались они въ весьма большомъ числѣ, потому что едва ли былъ хоть одинъ человекъ въ цѣломъ царствѣ, который бы не сочувствовалъ дѣлу окончательнаго соединенія съ Литвою. Въ другомъ положеніи находились чины литовскіе; хотя дѣло, которое должно было обсуждаться на люблинскомъ сеймѣ еще болѣе ихъ занимало, но не такъ много литовцевъ могло съѣхаться въ Люблинъ, потому что въ то же время они должны были сторожить свою восточную границу отъ напавшихъ на нее непріятелей. Не смотря однакожь на свою малочисленность они храбро выдержали первое столкновеніе съ поляками и, подобно имъ, представили документы въ подтвержденіе словъ своихъ. Мы объяснили происхожденіе этихъ документовъ и если принять польскую т. е. бюрократическую точку зрѣнія, то правы были поляки, но въ то же время правы были и литовцы. Не обращая вниманія на документы, представленные литовцами, польскіе послы обратились къ королю и просили его принудить литовцевъ къ соглашенію на слѣтіе. Литовцы также обратились къ королю и въ отвѣтъ на просьбу о заступленіи и помощи получили подтвержденіе всѣхъ актовъ со временъ Ягелла, закрѣпившихъ слѣтіе Литвы съ Польшею. Тогда, видя полное поправленіе истины, убѣжденные въ невозможности добиться чего либо для своего отечества, литовцы ночью покинули сеймъ и разѣхались по домамъ; остались весьма немногіе, вѣроятно тѣ, которые считали союзъ съ Польшею необходимымъ и думали, что выгоднѣе подчиниться Польшѣ, чѣмъ Москвѣ или татарамъ и туркамъ. Не такъ

⁷⁶⁾ Главный источникъ для исторіи этого сейма: «Zrodloismo do Unij Lubel. изд. Дзямьскаго», намъ неизвѣстенъ, мы не могли имъ воспользоваться по обстоятельствамъ отъ насъ независившимъ и потому событіе это излагаемъ по статьѣ г. Кояловича. См. День 1861, № 10, 11 и 12.

думало большинство литовцевъ; вся Литва взволновалась, узнавъ о положеніи дѣла чрезъ разѣхавшихся изъ Люблина пословъ; явилась мысль обратиться къ татарамъ и съ ихъ помощью принудить Польшу къ признанію правъ и привилегій великаго княжества. Но эта мысль, по своимъ послѣдствіямъ, была несчастною мыслью; югозападные русскіе области, въ случаѣ нападенія татаръ на Польшу, были бы первою жертвою всѣмъ извѣстнаго искусства татаръ не оставлять по себѣ ничего живаго и цѣлаго. Имѣя впереди такую печальную участь, онѣ сдѣлались строги къ поведенію литовскихъ пословъ въ Люблинѣ и, найдя отъѣздъ ихъ оттуда незаконнымъ, протестовали противъ него. Изъ какого сословія вышелъ этотъ протестъ, о которомъ въ «Діаріушѣ» люблинскаго сейма говорится весьма глухо? Протестовали знатные чиновники, владѣвшіе государственными имуществами, которые, при предстоящей войнѣ съ Польшею, при татарскихъ опустошеніяхъ, должны были лишиться своего выгоднаго положенія. Польское правительство очень хорошо понимало, что эти люди суть единственные его союзники въ русско-литовскихъ областяхъ; это видно изъ дальнѣйшаго его образа дѣйствій: король немедленно объявилъ, что если русскіе области присоединятся къ Польшѣ, то съ нихъ снята будетъ подать, взимаемая съ государственныхъ имуществъ въ придворную кассу короля. Это распоряженіе касалось интересовъ только тѣхъ чиновныхъ людей, которые владѣли государственными имуществами и которые, какъ мы уже сказали, протестовали противъ отъѣзда пословъ литовскихъ изъ Люблина; но желая чрезъ нихъ однихъ совершить дѣло соединенія русскихъ областей съ Польшею, правительство польское становилось въ весьма затруднительное положеніе; голосъ этихъ людей тогда толь-

ко могъ имѣть надлежащее значеніе, когда бы они были уполномочены цѣлою страной, но понятно, что страна, не желавшая соединенія, никогда не выберетъ въ свои представители людей, желавшихъ его. Поляки не трудились развязывать этотъ узелъ, они просто разрубили его, рѣшивъ, что для русскихъ областей не нужно сеймиковыхъ избраній, а что пусть пріѣдутъ оттуда одни чиновники, послушники же будутъ наказаны лишеніемъ должностей. Рѣшеніемъ этимъ чиновники поставлены были въ весьма непріятное положеніе, они просто являлись измѣнниками предъ своимъ народомъ и конечно многіе изъ нихъ бросили свои корыстные расчеты и разорвали связь свою съ польскимъ правительствомъ, другіе менѣе рѣшительные вели себя двусмысленно: не желая лишиться выгодныхъ урядовъ и опасаясь раздражить народъ, они стали прибѣгать къ школьническимъ выходкамъ, выражали готовность явиться на сеймъ, но отговаривались болѣзнию и т. д. Нерѣшительность ихъ не устояла однакожь противу энергіи поляковъ, волей неволей собрались они на сеймъ и тамъ принуждены были дать присягу на унію. Такъ совершилось соединеніе Волыни съ Польшею, Подолія, какъ мы видѣли, уже прежде, за исключеніемъ небольшой части, находилась въ рукахъ поляковъ. Корыстные расчеты нѣсколькихъ знатныхъ людей дали поводъ начать это дѣло, въ продолженіе котораго, чтобы отвратить возможность противудѣйствія со стороны народа, народъ этотъ былъ лишенъ своего древняго права, самому выбирать своихъ представителей. Какъ народъ смотрѣлъ на это соединеніе, видно изъ того, что польское правительство должно было принимать мѣры, чтобы лица, подписавшія соединеніе, не были разорваны народомъ при возвращеніи съ сейма на родину.

Когда совершилось такимъ образомъ отдѣленіе русскихъ земель отъ Литвы и соединеніе ихъ съ Польшею, тогда Литовцы, какъ слабѣйшіе, должны были подчиниться всѣмъ требованіямъ поляковъ и дать присягу на унію, т. е. на полное и окончательное слитіе или, что все равно, на гибель литовской національности.

Ону імені І. І. МЕЧНИКОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О СОСТОЯНИИ И ДѢЙСТВІЯХЪ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ,

съ 1 Сентября 1862 по 30 Августа 1863 года.

Предлагая Вамъ, мм. гг., отчетъ о дѣйствіяхъ Лицея, за истекшій учебный годъ, мы льстимъ себя надеждой, что открывающійся годъ будетъ послѣднимъ въ жизни Лицея, что ему предстоитъ потомъ жить въ другой, болѣе почтенной формѣ — въ формѣ Университета, такъ давно и Вами и нами жданнаго. Дай Богъ только, чтобы эта наша надежда получила свое осуществленіе.

Распоряженія, послѣдовавшія въ истекшемъ академическомъ году.

По воспослѣдованіи, въ 10-й день Юня 1862 года, Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на учрежденіе Новороссійскаго Университета, съ преобразованіемъ для сего въ Университетъ Ришельевского Лицея, — Совѣтъ сего заведенія занимался обсужденіемъ проекта этого новаго Университета, составленнаго Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Фойгтомъ, и изложеніемъ какъ замѣчаній и соображеній своихъ по этому проекту, такъ и опредѣленіемъ, подъ руководствомъ Г-на Попечителя Одесскаго учебнаго Округа, принимавшаго участіе въ засѣданіяхъ Совѣта Лицея, тѣхъ мѣръ, какія необходимы для совершенія предстоящаго преобразованія Лицея въ Университетъ.

Подъ помѣщеніе будущаго Университета предположено

обратить зданіе Ришельевского Лицея, расположенное по Дворянской, Херсонской и Елисаветинской улицамъ, а какъ въ немъ, кромѣ Лицея, помѣщалась и первая Одесская Гимназія съ пансіономъ, то для помѣщенія сего послѣдняго заведенія нанятъ особый домъ, графини Стенбокъ — Ферморъ, въ 3-й части города, на углу Елисаветинской и Торговой улицъ, срокомъ съ 1-го Мая 1863 на три года, цѣною по 4,500 руб. за каждый годъ.

По случаю предстоявшихъ къ производству передѣлокъ: какъ въ Лицейскомъ зданіи, для приспособленія онаго исключительно къ потребностямъ Университета, такъ и въ нанятомъ для Гимназіи домѣ, гдѣ требовались также перестройки для болѣе удобнаго расположенія Гимназіи и пансіона, — преподаваніе въ Лицеѣ и Гимназіи было окончено въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ и, послѣ производства испытаній въ продолженіе первой половины Мая мѣсяца, воспитанники пансіона Ришельевской Гимназіи, остававшіеся въ заведеніи на каникулярное время, были выведены, 20-го Мая, на приморскій Лицейскій хуторъ, чѣмъ и доставлена была возможность открыть тогда же работы въ обонхъ домахъ.

Нанятый для Гимназіи съ пансіономъ домъ приведенъ въ порядокъ, по предначертанному проекту, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, и Ришельевская Гимназія, получившая отдѣльное самостоятельное управленіе, на основаніи Высочайше утвержденного 18-го Іюля 1863 года штата, помѣстилась въ томъ домѣ и открыла дѣйствія свои съ 1-го Августа.

Передѣлки, предпринятые въ Лицейскомъ зданіи, тоже приведены къ окончанію къ 10-му Августа и зданіе это приспособлено уже для помѣщенія въ немъ Университета съ тремя факультетами: Юридическимъ, Математическимъ и Филологическимъ.

На перестройку зданій Лицея подъ помѣщеніе Университета и на устройство учебно — вспомогательныхъ заведеній ассигновано Правительствомъ, изъ Государственного Казначейства — 92.717 рублей. Изъ сей суммы обращено уже: а) на произведенныя передѣлки въ Лицейскомъ зданіи, по приспособленію его къ потребностямъ Университета, и на ремонтное исправленіе 4,125 руб. 52 коп., б) на устройство мебели для Университета, ограниченной, на первый разъ, для одной части аудиторій и библиотеки, со шторами къ окнамъ, 3,960 р., в) на исправленіе дома на приморскомъ Лицейскомъ хуторѣ, куда переселялись воспитанники Ришельевской Гимназіи, 789 р., г) на приобрѣтеніе пожарной помпы, новаго устройства, для дома Лицейскаго — 534 р. 20 коп., д) на устройство брандмауровъ на чердакѣ Лицейскаго зданія — 1,104 р. 40 коп., е) на уплату за наемъ дома для помѣщенія Ришельевской Гимназіи, за первый годъ, 4,500 р., ж) на производство передѣлокъ въ этомъ домѣ, для приспособленія онаго къ потребностямъ заведенія — 1,015 руб. 80 коп., з) на устройство мебели для Ришельевской Гимназіи — 836 руб. 38 коп., и) на уплату за коллекцію прибрѣтенныхъ для Университета драгоценныхъ камней, медалей и минераловъ — 2,200 руб.; всего 19.065 руб. 30 коп., а затѣмъ остальная сумма 73.651 руб. 70 коп. опредѣляется на устройство для Университета: агрономической фермы, ботаническаго сада, астрономической обсерваторіи, на расширение и обогащеніе химической лабораторіи, на устройство вновь технологической лабораторіи, пополненіе кабинетовъ Естественной исторіи и обогащеніе библиотекъ Университета и Ришельевской Гимназіи, для которой удѣляется опредѣленная сумма какъ на приобрѣтеніе книгъ, такъ и на содержаніе въ остальные 5 мѣсяцевъ сего года, въ добавокъ

къ суммѣ, ассигнованной по новому штату Гимназіи изъ Государственнаго Казначейства.

Въ виду болѣе раннаго, противъ прежнихъ лѣтъ, окончанія учебнаго 1862 — 63 года въ Лицеѣ, по случаю предстоявшаго для него преобразования и предпринятыхъ въ его зданіи передѣлокъ, — по предложенію Г-на Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа было увеличено всѣмъ преподавателямъ Лицея число ихъ лекцій, такъ что каждый имѣлъ не менѣе 7 — 8 часовъ въ недѣлю. Адъюнктъ же Педагогіи Р. В. Орбинскій, удержавъ для преподаванія сей науки 4 часа въ недѣлю, вызвался, по предложенію Г-на Попечителя Округа, посвятить еще 3 часа въ недѣлю на преподаваніе студентамъ 1-го и 2-го курсовъ Юридическаго отдѣленія Психологіи, по остававшейся незанятою въ Лицеѣ философской кафедрѣ, что и было имъ исполнено въ теченіе года.

Такъ какъ по установленному Совѣтомъ Лицея въ 1859 году, 1-го Апрѣля, правилу, студенты Лицея, неявляющіеся на переводные и выпускные экзамены въ опредѣляемый для того, въ Маѣ мѣсяцѣ, до 20-го Іюня, срокъ — не допускаются къ испытанію послѣ каникулъ и такъ какъ нѣкоторые изъ студентовъ, несправившихъ своевременно, въ 1862 году, переводнаго экзамена, пожелали слушать лекціи слѣдующихъ курсовъ, въ которые они недостойны перевода, въ качествѣ вольнослушателей; то по заключенію Совѣта Лицея, вслѣдствіе ихъ ходатайства, и съ разрѣшенія Г-на Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа (17 Ноября № 2576) дозволялось симъ слушателямъ подвергнуться испытанію, по окончаніи 1862 — 63 года, какъ за тотъ курсъ, въ которомъ должны были оставаться еще годъ, въ качествѣ студентовъ, такъ и за тотъ слѣдующій курсъ, въ которомъ состояли они, въ

продолженіе истекшаго учебнаго года, вольными слушателями.

Занятія Совѣта Лицея.

Кромѣ занятій по учебной части Лицея, Совѣтъ занимался въ истекшемъ году: 1) испытаніемъ лицъ, ищущихъ учительскихъ мѣстъ и званія домашнихъ учителей и учительницъ, 2) разсмотрѣніемъ передававшихся отъ Г-на Попечителя Округа сочиненій тѣхъ лицъ, кои подвергались испытанію на учительскія званія въ Гимназіяхъ того Округа, а также программъ публичныхъ чтеній вызывавшихся на то постороннихъ лицъ, 3) обсужденіемъ и выработкою проектовъ по разнымъ предположеніямъ, а именно: а) по устройству помѣщенія Новороссійскаго Университета въ зданіи Лицея, б) по образованію учебной фермы будущаго Университета.

Засѣданій въ истекшемъ академическомъ году было 36 обыкновенныхъ и 6 чрезвычайныхъ, подъ предсѣдательствомъ Г-на Попечителя Округа, по дѣламъ особенной важности, по которымъ требовались начальствомъ соображенія Совѣта.

Испытанію въ Лицеѣ, совершавшемуся въ особо учреждавшихся изъ среды членовъ онаго Комитета, подвергались:

а) частному: на званіе учителя Гимназіи новѣйшихъ иностранныхъ языковъ — 2; б) общему: на званіе учителя Гимназіи новѣйшаго иностраннаго языка — 1, на званіе учителя уѣзднаго училища — 4, на званіе Домашнихъ учителей — 3, на званіе Домашнихъ учительницъ — 5, всего 15. Изъ нихъ удостоено искомаго права — 14, а одному, въ званіи учителя уѣзднаго училища, отказано, по неудовлетворительности познаній.

Изъ лицъ, подвергавшихся испытанію въ Гимназіяхъ Одесскаго Округа, по разсмотрѣніи и оцѣнкѣ въ Совѣтѣ Лицея ихъ разсужденій и прочихъ бумагъ, до экзамена относящихся, отъ Г. Попечителя Округа переданныхъ, удостоены права: на званіе учителя уѣзднаго училища 7, на званіе Домашнихъ учителей 2 и на званіе Домашней учительницы 1.

Занятія преподавателей, кромѣ преподаванія, составляющаго главный предметъ ихъ дѣятельности, состояли въ слѣдующихъ особыхъ трудахъ:

Профессоръ Уголовнаго права А. М. Богдановскій исправлялъ и должность Директора Лицея и, въ отсутствіе изъ Одессы по дѣламъ службы Г-на Попечителя, управлялъ округомъ: съ 19-го Іюля по 18-е Августа и съ 20-го Сентября по 23-е Октябри 1862 года. Сверхъ того занимался въ качествѣ непремѣннаго члена Одесскаго Статистическаго Комитета составленіемъ статистики народнаго образованія въ Одесскомъ градоначальствѣ, а какъ членъ Временной Комисіи для приведенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденаго положенія объ управленіи городомъ Одессою трудился надъ составленіемъ списковъ избирателей и проекта управленія подгородными мѣщанскими обществами.

Профессоръ Римской словесности В. Н. Юргевичъ исправлялъ, въ то же время, должность Инспектора Лицея, состоялъ членомъ издательнаго Комитета Одесскаго Общества исторіи и древностей, и въ изданномъ V томѣ записокъ Общества помѣстилъ: во 1-хъ объясненіе трехъ отрывковъ Ольвійскихъ надписей, во 2-хъ объясненіе греческой надписи изъ древняго города Одиссоса, въ 3-хъ переводъ нѣсколькихъ древнихъ документовъ, относящихся къ Новороссійскому краю; совершилъ наконецъ, по порученію Общества, ученую

поѣздку для осмотра мѣстностей, на которыхъ находились въ древности города Ольвія и Одиссосъ: отчетъ о поѣздкѣ, съ объясненіемъ открытыхъ трехъ надписей, будетъ напечатанъ имъ въ VI томѣ записокъ Общества.

Профессоръ Богословія, Протоіерей М. К. Павловскій напечаталъ въ Херсонскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ 8 поученій на молитву Св. Ефрема Сирина, изданныхъ и отдѣльною книжкою, и одну проповѣдь, сказанную имъ въ Одесскомъ Соборѣ.

Профессоръ между-народнаго права Н. И. Максимовъ издалъ Новороссійскій календарь на 1863 годъ и по званію члена Херсонскаго Статистическаго Комитета участвовалъ въ Комисіи о составленіи проекта Устава Херсонскаго земскаго Банка, въ качествѣ одного изъ редакторовъ.

Профессоръ Русской Исторіи М. П. Смирновъ занимался изслѣдованіемъ исторіи Литвы XIV и XV вѣковъ и часть своего труда напечаталъ въ настоящемъ актѣ Лицея, въ формѣ рѣчи.

Профессоръ прикладной математики К. И. Карастелевъ занимался обработкою приготовленнаго имъ къ изданію сочиненія: «Теорія функцій мнимаго переменнаго количества и ея важнѣйшія приложенія».

Профессоръ Энциклопедіи законовѣдѣнія и Римскаго права Н. С. Власевъ занимался приготовленіемъ диссертациі на степень доктора.

Исправляющій должность Адъюнкта Педагогіи, Директоръ Одесскаго Коммерческаго Училища, Р. В. Орбинскій читалъ публичныя лекціи «о конкурентахъ Одессы на поприщѣ хлѣбной торговли», напечатанныя потомъ въ Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

Исправляющій должность Адъюнкта Сельскаго хозяй-

ства И. У. *Палмтсестовъ* издавалъ по прежнему «Записки Южнаго Общества Сельскаго Хозяйства», гдѣ помѣщалъ постоянно свои статьи сельско-хозяйственнаго содержанія.

Лекторъ французскаго языка А. К. *Шапеллонъ* помѣщалъ статьи въ журналъ *Nouvelliste de St. Petersburg*.

Лекторъ Нѣмецкаго языка М. Г. *Эртель*, окончивъ переработку составленнаго имъ прежде руководства къ практическому изученію Нѣмецкаго языка, издалъ это сочиненіе седьмымъ тисненіемъ.

Награды и измѣненія въ составѣ Лицея.

Всемилоостивѣйше пожалованы: а) орденомъ св. Станислава 2-й степени — Профессоръ Лицея Надворный Совѣтникъ Михаилъ *Смирновъ*, за отлично-усердную службу; б) *чинами*, за выслугу лѣтъ: Коллежскаго Совѣтника — исправляющій должность Директора, Профессоръ Александръ *Богдановскій* и Профессоръ Николай *Максимовъ*, Надворнаго Совѣтника — исправляющій должность Адъюнкта Иванъ *Палмтсестовъ*, Коллежскаго Ассесора — Лекторъ Вильямъ *Рандель*, Титулярнаго Совѣтника — Архитекторъ Лицея и Одесскаго Округа Пантелеймонъ *Юдко*, и Коллежскаго Секретаря — Бухгалтеръ Александръ *Маймескулъ*; в) единовременнымъ денежнымъ награжденіемъ, изъ экономическихъ суммъ Лицея: Профессоръ Лицея Надворный Совѣтникъ Корнелій *Карастелевъ* 400 руб. и Библиотекарь Надворный Совѣтникъ Виталій *Штиковский* 300 руб. Кроме того, по опредѣленію Главнаго Правленія училищъ, выдано въ пособіе, изъ экономической суммы Лицея: бывшему Директору Ришельевскаго Лицея Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Павлу *Беккеру* 1043 руб. 68 коп. и бывшему Профес-

сору Статскому Совѣтнику Сократу *Акимову* 857 рублей. Помощнику Секретаря Правленія Лицея, Коллежскому Секретарю Алексѣю *Шматову* 100 руб., канцелярскимъ чиновникамъ: Иосифу *Скоропись-Юлмуховскому* 80 руб., Ивану *Ламзаки* 50 руб., Григорію *Дроздовскому* 50 руб. и Педелю Лицея Карлу *Мальскому* 50 руб. Назначена къ производству пенсія, за выслугу 25 лѣтъ по учебной части, Профессору Лицея Статскому Совѣтнику Христіану *Гассгагену*, по 857 р., 76 коп. въ годъ, съ оставленіемъ на службѣ впредь до преобразования Лицея въ Университетъ.

Утверждены: исправляющимъ должность Директора Ришельевскаго Лицея Профессоръ Уголовнаго права Коллежскій Совѣтникъ Александръ *Богдановскій* и исправляющимъ должность Инспектора Профессоръ Римской словесности Статскій Совѣтникъ Владиславъ *Юргевичъ*, съ оставленіемъ при исполненіи преподавательской должности.

Уволены: исправляющій должность Профессора Политической экономіи Магистръ Сергей *Муравьевъ*, Архитекторъ Лицея и Одесскаго округа Коллежскій Совѣтникъ Александръ *Шашинъ*, исправлявшіе должность Адъюнкта: кафедры Всеобщей Исторіи Кандидатъ Александръ *Георгиевскій*, кафедры Государственнаго права, русскаго права и обзрѣнія законовъ Кандидатъ Федоръ *Леонтовичъ* и кафедры Русской Словесности Кандидатъ Алексѣй *Гатцукъ*: четыре первые по прошенію, а послѣдній по распоряженію начальства.

Профессоръ Химіи, Статскій Совѣтникъ Христіанъ *Гассгагенъ* освобожденъ, по его желанію, отъ исполненія обязанности Совѣтника Правленія Лицея.

Опредѣлены: Архитекторомъ Лицея и округа состоявшій до того на службѣ въ Самарской Строительной Коммисіи Титулярный Совѣтникъ Пантелеймонъ *Юдко*, Совѣтникомъ

Правленія Лицея Профессоръ Надворный Совѣтникъ Корнелій *Карастелевъ*. Назначены членами Правленія, для участія въ дѣлахъ, касающихся устройства Новороссійскаго Университета, Профессоры Лицея, Надворные Совѣтники Михаилъ *Смирновъ* и Николай *Власевъ*.

Частными преподавателями допускались: къ преподаванію Физики и физической географіи бывшій Профессоръ сей каѳедры Статскій Совѣтникъ Сократъ *Акимовъ* и гражданскаго права — Кандидатъ Демьянъ *Кленовскій*.

Учебныя пособія.

1) Основная библіотека состоитъ изъ 12.348 названій на сумму 31.650 руб. 87 коп. Ею завѣдываетъ библіотекаръ, Надворный Совѣтникъ Шишковскій.

2) Кабинетъ для чтенія Профессоровъ, завѣдываемый Директоромъ, получалъ иностранныхъ періодическихъ изданій 38 и отечественныхъ 10.

3) Общій кабинетъ для чтенія пріобрѣталъ 27 отечественныхъ періодическихъ изданій. Имъ завѣдываетъ исправляющій должность Инспектора Лицея.

4) Кабинетъ для чтенія студентовъ вмѣщаетъ въ себѣ: книгъ до 3.500 названій, препаратъ человеческого трупа, микроскопъ и гербаріумъ, изъ 157 видовъ.

Кабинетъ этотъ значительно обогащенъ книгами, переданными по ходатайству г. бывшаго Попечителя Одесскаго учебнаго округа, Тайнаго Совѣтника, М. М. Могилянскаго изъ Главнаго Правленія Цензуры, въ числѣ 1543 экземпляровъ. Кабинетомъ завѣдываютъ, подъ ближайшимъ наблюдениемъ Попечителя студентской библіотеки, Профессора Лицея Смирнова, три студента, избранные товарищами.

5) Физическій кабинетъ Лицея заключаетъ въ себѣ 482 снаряда, на сумму 4,671 руб. 44 коп., и находится въ завѣдываніи исправляющаго должность Профессора физики Акимова.

6) Кабинетъ Астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ заключаетъ въ себѣ 55 инструментовъ, на сумму 3.374 руб. 49 коп. и состоитъ въ завѣдываніи Профессора Прикладной математики Карастелева.

7) Химическая лабораторія вмѣщаетъ въ себѣ снарядовъ, аппаратовъ и препаратовъ 3.389, на сумму 4.324 р. 21 коп.

8) Технологическій кабинетъ имѣетъ 105 моделей, на сумму 605 рублей.

Симъ кабинетомъ и лабораторією завѣдываетъ Профессоръ Химіи Гассгагенъ.

9) Минералогическій кабинетъ состоитъ изъ 6.295 предметовъ, на сумму 3.050 рублей.

Этотъ кабинетъ обогащенъ геогностическою коллекціею, принесенною въ даръ Профессоромъ Лицея Х. Г. Гассгагеномъ, со шкафомъ, въ которомъ это собраніе и хранится.

10) Зоологическій кабинетъ вмѣщаетъ въ себѣ 5.419 экземпляровъ, на сумму 4.493 руб. 18 коп.

11) Гербарій, расположенный по системѣ Жюсье и Бартлинга, содержитъ въ себѣ 6.018 опредѣленныхъ породъ, 5 тетрадей водорослей и разрѣзы древесныхъ породъ, на 1.081 р. 66 коп.

Двумя послѣдними кабинетами и гербаріемъ завѣдываетъ Профессоръ Естественной Исторіи Байковъ.

12) Кабинетъ земледѣльческихъ орудій вмѣщаетъ въ себѣ 31 модель, 15 снарядовъ, двѣ коллекціи пробъ шерсти, двѣ коллекціи сѣмянъ, 67 типовъ животныхъ, одиннадцать

картинъ, изображающихъ огородныя овощи и 4 коллекціи растеній, на 1.125 рублей.

13) Дендрологическое собраніе заключается въ 54-хъ экземплярахъ, на 57 руб. 14 коп.

Кабинетъ земледѣльческой и собраніе дендрологическое состоятъ въ завѣдываніи исправляющаго должность Адъюнкта кафедры сельскаго хозяйства Агронома Палимпсестова.

14) Въ Минцъ-кабинетѣ, расположенномъ въ библиотекѣ и состоящемъ въ завѣдываніи библиотекаря, находится: а) монетъ: золотыхъ 3, серебрянныхъ 174, мѣдныхъ 827; б) медалей: серебрянныхъ 3, бронзовыхъ 465; в) жетоновъ: серебрянный 1, бронзовыхъ 4 и г) оловянныхъ образцовъ медалей 230, на сумму 1.282 руб. 50 коп.

Для этого кабинета приобрѣтены, но еще не доставлены три цѣнные коллекціи: одна драгоценныхъ камней, другая минераловъ, а третья медалей.

Занятія учащихся.

На основаніи § 82 Устава Ришельевского Лицея, Совѣтъ Лицея предложилъ студентамъ, для совсканія наградъ медалями въ учебномъ 1862—63 году, слѣдующія темы:

1) По прикладной математикѣ: «о притяженіи тѣлъ вообще и эллипсоидовъ въ особенности».

2) По Технологіи: «изложеніе вопроса о дѣйствительномъ составѣ стали, по мемуарамъ Фреми и Карона».

3) По Русской Исторіи: «значеніе и характеръ царствованія Іоанна Грознаго».

4) По Уголовному праву: «о бѣшенствѣ, сумасшествіи и гнѣвѣ, какъ причинахъ невмѣненія преступленій».

Первыя три темы остались неразрѣшенными, а на чет-

вертую, по уголовному праву, представлено два сочиненія: одно съ эпиграфомъ: «Vagliami l'lungo studio el' grande amore» (Dante), а другое съ эпиграфомъ: «Moechten Inquirenten und erkennende Richter etc.» (Seuffert).

Профессоръ Уголовнаго права, прежде изложенія своего мнѣнія о достоинствѣ этихъ сочиненій, объяснилъ Совѣту, что его заключеніе обусловливается отчасти тою мыслию, какою руководился онъ при избраніи темы для сочиненій. Онъ желалъ обратить особенное вниманіе своихъ слушателей на вопросъ о юридическомъ вмѣненіи, самый важный пунктъ преподаваемой имъ науки. Но весь вопросъ этотъ слишкомъ громаденъ для того, чтобы студенты могли заняться имъ хотя бы только по главнѣйшимъ сочиненіямъ, написаннымъ объ немъ; а потому онъ ограничился только частнымъ вопросомъ изъ ученія о вмѣненіи — выбравши его съ намѣреніемъ изъ числа тѣхъ, которые и интересуютъ болѣе всего всякого, начинающаго заниматься уголовнымъ правомъ, и въ тоже время заставляютъ по необходимости обращаться ко многимъ другимъ частямъ ученія и главнымъ образомъ къ психологическому вопросу о волѣ, какъ основаніи вмѣненія. Чтобы облегчить работу тѣмъ, кто возметъ за нее, онъ рекомендовалъ слушателямъ своимъ лучшія сочиненія по этой части, по преимуществу изъ германской литературы, и въ главѣ ихъ поставилъ извѣстныхъ криминалистовъ Костлина и Бернера.

Авторъ перваго сочиненія, съ девизомъ: «Vagliami etc.» воспользовался, по отзыву г. Профессора, всѣмъ, что было рекомендовано: прочелъ всѣ тѣ капитальныя сочиненія о вмѣненіи, авторы которыхъ составляютъ въ настоящее время авторитетъ въ наукѣ. Философской и психологической части этого ученія онъ не могъ вполне усвоить уже потому

одному, что тутъ онъ встрѣтилъ коренное различіе двухъ направлений науки — идеалистическаго и матеріалистическаго, между которыми ему трудно было сдѣлать выборъ безъ основательнаго философскаго образованія, котораго онъ, очевидно, не имѣетъ. За то фактическая часть его труда дѣлаетъ ему честь: достаточная полнота, точность опредѣлений и расположеніе матеріала, довольно систематическое, суть его достоинства за которыя, по мнѣнію Профессора, слѣдуетъ наградить автора золотою медалью, принявши при этомъ во вниманіе, что нашему студенту юристу, при той научной обстановкѣ, въ какой онъ находился въ послѣднее время въ Лицеѣ, крайне было трудно собрать и уложить въ себѣ и тотъ запасъ юридическихъ свѣдѣній, какой обнаруженъ авторомъ разбираемаго сочиненія. Съ этимъ мнѣніемъ Профессора Уголовнаго права вполне согласились всѣ прочіе члены Совѣта Лицея, и какъ за тѣмъ, по вскрытіи конверта съ именемъ автора, оказалось, что сочиненіе это написано студентомъ III курса Юридическаго отдѣленія, окончившимъ въ семь году курсъ наукъ, Николаемъ Кременецкимъ, то Совѣтъ Лицея, принимая въ соображеніе весьма хорошіе успѣхи въ наукахъ и отличную нравственность сего студента, опредѣлилъ единогласно наградить его, Кременецкаго, золотою медалью.

О другомъ сочиненіи, съ эпиграфомъ: *Moeschten Inquiriten etc.*» Профессоръ Уголовнаго права отозвался, что въ немъ нѣтъ тѣхъ достоинствъ, какими отличается первое: всѣ отвлеченныя понятія уголовного права не достаточно усвоены авторомъ, и самая фактическая часть сочиненія, хотя представляетъ собою доказательство начитанности, но является замѣтно не полною. Всѣ прочіе члены Совѣта Лицея согласились съ мнѣніемъ Профессора и въ слѣдствіе того опредѣлено: ав-

тору этого сочиненія студенту III курса Юридическаго отдѣленія Гаккелю, какъ оказалось по вскрытіи конверта съ девизомъ, объявить похвальный отзывъ и принять его разсужденіе за курсовое сочиненіе съ высшею отмѣткою 5.

Темы для соисканія наградъ медалями въ наступающемъ учебномъ 1863 — 64 году будутъ предложены студентамъ, по открытіи ученія:

Изъ сочиненій, представленныхъ по предметамъ отдѣлений студентами, окончившими курсъ, признаны нѣкоторыя разсматривавшими ихъ преподавателями отлично хорошими. Таковы сочиненія студентовъ: Юридическаго отдѣленія — Константина *Самсонова*, Ильи *Логина*, Эммануила *Буркгарда*, Григорія *Бечаснова*, Камеральнаго отдѣленія — Митрофана *Пуршикевича*, Евгенія *Лагоріо* и Ильи *Феодосіу*.

По случаю предпринятыхъ въ Лицейскомъ зданіи передѣлокъ, для приспособленія онаго къ потребностямъ Университета, переводные и выпускные экзамены были открыты въ Лицеѣ съ 8-го Апрѣля и продолжались по 11-е Мая. Испытанія производились, на основаніи правилъ, въ особо назначавшихся изъ гг. преподавателей Комитетахъ. Его Превосходительство, Г. Попечитель округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ А. А. Арцимовичъ присутствовалъ на нѣкоторыхъ экзаменахъ; испытанія же въ Догматическомъ Богословіи, Нравственномъ Богословіи и Каноническомъ Правѣ происходили въ присутствіи Г. Ректора Херсонской Семинаріи Архимандрита Теофилакта.

Изъ студентовъ, подвергавшихся въ этомъ году экзамену, преимущественно предъ другими выказали отличные успѣхи, при весьма хорошемъ поведеніи, слѣдующіе:

I-го курса: Юридическаго отдѣленія: *Василій Сергеевъ*, *Анатолій Доксъ*, *Августъ Шапеллонъ*.

II-го курса Юридическаго отдѣленія: Александръ *Волковъ*, Иванъ *Табашниковъ*, Михаилъ *Бутеневъ*.

III-го курса: а) Юридическаго отдѣленія: Антонъ *Прилуцкій*, Михаилъ *Гаккель*, Николай *Кременецкій*, Илья *Логиновъ*, б) Камеральнаго отдѣленія — Митрофанъ *Пуришкевичъ*.

Измѣненія въ составѣ учащихся.

Въ началѣ учебнаго 1862—63 года принято въ Лицей изъ окончившихъ гимназическій курсъ и выдержавшихъ вступительный экзаменъ на право поступленія въ высшія заведенія 32, именно: въ Юридическое отдѣленіе 20, въ Математическое 9 и въ Камеральное 3.

Въ теченіе учебнаго 1862—63 года выбыло студентовъ, до окончанія курса 13, и умеръ 1, — студентъ II курса Юридическаго отдѣленія Семень *Завадовскій*, а за тѣмъ, къ концу года представшихъ на испытаніе было 105, именно: въ Юридическомъ отдѣленіи 70, математическомъ 11 и Камеральномъ 24.

По окончаніи въ семь году полнаго курса наукъ, на основаніи произведеннаго выпускнаго экзамена, удостоены полученія аттестатовъ слѣдующіе студенты III курса: Юридическаго отдѣленія: Антонъ *Прилуцкій*, Михаилъ *Гаккель*, Николай *Кременецкій*, Илья *Логиновъ*, Александръ *Чикаревскій*, Василій *Станилевичъ*, Владиміръ *Мищенко*, Константинъ *Самсоновъ*, Михаилъ *Кожно-Кутовой*, Константинъ *Теутъ*, Григорій *Бечасновъ*, Эммануилъ *Буркгартъ*; Физико-Математическаго отдѣленія: Петръ *Воско*, Иванъ *Качуловъ*, Федоръ *Деллавосъ*; Камеральнаго отдѣленія: Митрофанъ *Пуришке-*

вичъ, Левъ *Лысаковскій*, Владиславъ *Липковскій*, Николай *Щербаковъ*, Михаилъ *Аверьяновъ*, Вацлавъ *Верницкій*, Павелъ *Истоминъ*, Николай *Павловскій*, Илья *Феодосіу*, Павелъ *Райко*, Евгенийъ *Лагорио*, Евгенийъ *Погоржельскій*, Карлъ *Брунъ* и Степанъ *Гординскій*.

Вслѣдствіе произведенныхъ испытаній удостоены перевода въ слѣдующіе курсы:

Изъ перваго курса во второй, а) по Юридическому отдѣленію: Василій *Сергеевъ*, Анатолій *Доксъ*, Августъ *Шапеллонъ*, Павелъ *Кичъ*, Яковъ *Шостаковъ*, Василій *Малыревскій*, Владиміръ *Карповъ*, Александръ *Сонцовъ*, Александръ *Трясовскій*, Алексѣй *Шляковъ*, Иванъ *Полмеръ*, Николай *Грудзинскій*, Павелъ *Завадскій*, Иванъ *Мельниковъ*, Яковъ *Тауберъ*, и Самуилъ *Исаковичъ*; б) по Физико-математическому отдѣленію — Василій *Энгстремъ*, в) по Камеральному отдѣленію: Карлъ *Лысаковскій*, Илья *Чубовскій*.

Изъ втораго въ третій курсъ: а) по Юридическому отдѣленію: Александръ *Волковъ*, Иванъ *Табашниковъ*, Михаилъ *Бутеневъ*, Федоръ *Ивановъ*, Владиславъ *Невенловскій*, Николай *Мандро*, Сергѣй *Знаменскій*, Николай *Костенскій*, Викторъ *Крынцовъ*, Митрофанъ *Радіоновъ*, Леонидъ *Минаковъ*, Владиміръ *Вицевскій*, Александръ *Потухъ* — б) по Физико-математическому отдѣленію: Николай *Козаковъ* и в) по Камеральному отдѣленію: Владиміръ *Ашикъ*, Людовикъ *Брунъ*, Петръ *Красильниковъ* и Владиміръ *Михайловскій*.

Заключая нашъ отчетъ и благодаря Васъ, мм. гг., искренно за посѣщеніе нашего скромнаго торжества, мы можемъ смѣло сказать, что дѣлали свое дѣло по доброй совѣсти и

не наша только вина, что результаты нашей дѣятельности не такъ богаты, какъ бы того слѣдовало ожидать отъ высшаго учебнаго заведенія, каковъ нашъ Лицей. Преобразуется онъ въ Университетъ, — тогда и результаты, по всей вѣроятности, будутъ иные.

~~5194~~

413594

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

18

18

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

2
8